

Научный журнал
«ЭПОМЕН»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 66, декабрь 2021
No. 66, December 2021

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфинова Аполлинару Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikeev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khilus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Иванов С. Л.

Оценка инновационного потенциала регионов Российской Федерации как фактора их экономического развития (стр. 10–18)

Николаев Н. А.

Формирование мотивационного ядра работников на основе персонифицированного подхода (стр. 19–35)

Кондратенко Ю. Н.

Влияние пандемии COVID-19 на маркетинг-микс предприятий-экспортеров (стр. 36–47)

Тебекин А. В.

Анализ процессов формирования концепций и стратегий устойчивого развития (стр. 48–60)

Юридические науки

Кириллова Я. М.

Корпоративный конфликт как обстановка совершения преступлений в сфере экономической деятельности (стр. 61–72)

Кочерга И. И.

Подходы к совершенствованию уголовного законодательства в аспекте расследования преступлений против личности в условиях боевых действий (стр. 73–83)

Петрова О. В.

Внедрение медиации в механизме уголовной политики Республики Беларусь (стр. 84–94)

Руденко Д. А.

Деформализация уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий: российские реалии и зарубежный опыт (стр. 95–111)

Хлус А. М.

Криминалистическая методика: понятие, современное состояние и тенденции (стр. 112–130)

Яшков С. А.

Неправомерный доступ к компьютерной информации: теория и практика применения уголовного закона (стр. 131–140)

Table of Contents

Economics

Ivanov S. L.

Assessment of the innovative potential of the regions of the Russian Federation as a factor of their economic development (pp. 10–18)

Nikolayev N. A.

Formation of the motivational core of employees based on a personalized approach (pp. 19–35)

Kondratenko Y. N.

The Impact of the COVID-19 Pandemic on Marketing Mix of Exporting Enterprises (pp. 36–47)

Tebekin A. V.

Analysis of the processes of formation of concepts and strategies for sustainable development (pp. 48–60)

Law

Kirillova Y. M.

Corporate conflict as a situation of committing crimes in the sphere of economic activity (pp. 61–72)

Kocherga I. I.

Approaches to improving the criminal legislation in aspect of investigating crimes against the person in the conditions of hostilities (pp. 73–83)

Petrova O. V.

Implementation of Mediation in the mechanism of criminal policy of the Republic of Belarus (pp. 84–94)

Rudenko D. A.

Deformalization of criminal proceedings in the context of the development of digital technologies: Russian realities and foreign experience (pp. 95–111)

Khlus A. M.

Criminalistics' methodology: concept, current state and trends (pp. 112–130)

Yashkov S. A.

Illegal Access to Computer Information: Theory and Practice of Criminal Law Application (pp. 131–140)

УДК/UDC 338.2

Оценка инновационного потенциала регионов Российской Федерации как фактора их экономического развития

Иванов Семен Леонидович

аспирант, инженер-исследователь

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Россия

e-mail:slivanov2020@mail.ru

SPIN-код: 9203-5612

Аннотация

Переход на инновационную модель развития большинства экономически развитых стран предопределил особую роль эндогенных факторов в обеспечении стабильного экономического роста. Стоит заметить, что совокупность подобных факторов, которые являются базисом для ведения инновационной деятельности, представляет собой инновационный потенциал. В рамках данной работы проводится комплексный анализ состояния инновационного потенциала российских регионов. В частности, дается определение понятия «инновационный потенциал региона», определяется вклад инновационного потенциала в развитие экономики регионов. Также исследуются наиболее распространенные методики оценки инновационного потенциала российских регионов. Кроме того, проводится ретроспективный анализ распределения субъектов Российской Федерации по уровню инновационного потенциала, который позволяет сделать вывод о повышении инновационного потенциала российских регионов за период с 2012 по 2019 гг.

Ключевые слова: регион, социально-экономическая система, эндогенный фактор, инновационный потенциал региона.

Assessment of the innovative potential of the regions of the Russian Federation as a factor of their economic development

Ivanov Semyon Leonidovich

postgraduate student, research engineer

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

Vologda, Russia

e-mail:slivanov2020@mail.ru

SPIN Code: 9203-5612

Abstract

The transition to an innovative development model for most economically developed countries predetermined the special role of endogenous factors in ensuring stable economic growth. It is worth noting that the combination of such factors, which are the basis for conducting innovative activities, represents an innovative potential. As part of this work, a comprehensive analysis of the state of the innovative potential of Russian regions is carried out. In particular, the definition of the concept of "innovative potential of the region" is given, the contribution of the innovative potential to the development of the regional economy is determined. It also examines the most common methods for assessing the innovative potential of Russian regions. In addition, a retrospective analysis of the distribution of the constituent entities of the Russian Federation by the level of innovation potential is carried out, which allows us to conclude that the innovation potential of Russian regions has increased over the period from 2012 to 2019.

Key words: region, socio-economic system, endogenous factor, innovative potential of the region.

В условиях перехода экономически развитых и ряда развивающихся стран на путь инновационного развития значительно возросла роль инноваций как эндогенного фактора социально-экономического роста. Вместе с тем особое внимание стало уделяться состоянию инновационного потенциала регионов. Инновационный потенциал представляет собой базис инновационного развития региональных социально-экономических

систем, совокупность факторов и условий, необходимых для осуществления инновационной деятельности [1].

Тема настоящего исследования является актуальной, поскольку общемировой тренд использования инноваций как важнейшего фактора социально-экономического роста в последнее время оказывает значительное воздействие на российскую экономику.

Цель данного исследования — произвести комплексную оценку состояния инновационного потенциала российских регионов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить сущность понятия «инновационный потенциал региона».
2. Провести анализ методик оценки инновационного потенциала региона.
3. Провести ретроспективный анализ распределения российских регионов по уровню инновационного потенциала.

До сих пор не выработано единого подхода к определению понятия «инновационный потенциал». Однако сотрудники Вологодского научного центра Российской академии наук повели исследование, в рамках которого были систематизированы подходы к определению понятия «инновационный потенциал региона» [2]. Характеристика данных подходов представлена в табл. 1.

Подходы к определению понятия «инновационный потенциал»

Наименование подхода	Сущность подхода
Ресурсный	Инновационный потенциал как совокупность ресурсов для инновационного развития региона
Подход, в рамках которого инновационный потенциал рассматривается как совокупность способностей и возможностей, необходимых для ведения инновационной деятельности	Инновационный потенциал как совокупность способностей и возможностей, необходимых для ведения инновационной деятельности
Комплексный	Соединяет в себе сущность двух предыдущих подходов

Таблица 1

В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться комплексного подхода к пониманию инновационного потенциала, поскольку в данном подходе отражаются различные аспекты рассматриваемого понятия (наличие ресурсов, способностей и возможностей для инновационного развития региона).

Наиболее распространенными методиками оценки инновационного потенциала российских регионов являются «Рейтинг инновационных регионов России», разработанный Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР), а также «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», разработанный Национальным исследовательским институтом «Высшая школа экономики» [3].

Преимуществами данных методик является то, что они обе отвечают принципу объективности, поскольку используемые в рамках каждой из них приемы расчета интегрального показателя соответствуют международным стандартам оценки инновационного потенциала. В частности, в основу «Рейтинга инновационных регионов России» положен подход, используемый Европейской комиссией для проведения сравнительной оценки инновационного развития регионов Евросоюза [2].

Показатели в рамках обозначенных методик соотносятся между собой, однако в составе «Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации» присутствуют такие важные показатели, как экспортная активность в области инноваций, а также качество инновационной политики, которых нет в «Рейтинге инновационных регионов России». Таким образом, для анализа инновационного потенциала российских регионов было принято решение использовать «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», разработанный Национальным исследовательским институтом «Высшая школа экономики».

В рамках данного рейтинга субъекты Российской Федерации условно поделены на четыре группы. Однако точного названия этим группам авторы методики не дают. Кроме того, характерной чертой рассматриваемой методики является еще и то, что нет четкой градации по поводу

отнесения того или иного региона к определенной группе. Тем не менее, важно понимать, что чем выше группа региона в рейтинге, тем более высок его инновационный потенциал.

Следует отметить, что один и тот же регион в разный период может быть отнесен к различным группам по уровню инновационного развития.

С целью исследования динамики инновационного развития российских регионов был проведен ретроспективный анализ распределения российских регионов по уровню развития инновационного потенциала (табл. 2).

Анализ распределения регионов Российской Федерации в группах по рейтингу инновационного развития, разработанному Национальным исследовательским институтом «Высшая школа экономики», за период с 2012 по 2019 гг. [4]

Год	Группа по рейтингу	Количество регионов, относящихся к той или иной группе
2012	I	12
	II	18
	III	32
	IV	21
2013	I	4
	II	24
	III	40
	IV	15
2014	I	3
	II	29
	III	40
	IV	11
2015	I	11
	II	14
	III	41
	IV	19
2017	I	8
	II	42
	III	29
	IV	6
2018/2019	I	6
	II	37

	III	34
	IV	8

Таблица 2

Анализ распределения регионов в группах по рейтингу инновационного развития позволил заключить, что за рассматриваемый период (табл. 2, рис. 1):

- 1) выявлена тенденция сокращения количества регионов, входящих в IV группу рейтинга (регионы с наименьшим уровнем инновационного развития);
- 2) произошел рост количества регионов, относящихся ко II группе.
- 3) заметно снижение численности регионов, относящихся к I группе (группе «лидеров»).

Из таблицы видно, что большая часть регионов, которые ранее были отнесены к IV группе (примерно 60%), стали входить в III группу и частично во II группу (Калининградская область и республика Марий-Эл). Те регионы, которые относились к группе «лидеров», «перешли» во II группу (50%). Кроме того, рост численности регионов II группы обеспечен переходом в нее части регионов из III группы. Относительно постоянство численности регионов III группы обеспечено балансом прихода/выхода (т. е. сколько регионов вышло из этой группы, столько же и прибыло в нее из других групп).

Таким образом, можно заключить, что инновационный потенциал российских регионов за рассматриваемый период повысился. Тому свидетельствует переход большей части регионов из IV группы в III, а также части регионов из III группы во II. Тем не менее негативным остается тот факт, что количество регионов, относящихся к I группе, за рассматриваемый период сократилось в два раза.

Графическое изображение динамики инновационного развития российских регионов в соответствие с НИУ ВШЭ представлено на рис. 1.

Распределение регионов Российской Федерации в группах по рейтингу инновационного развития, разработанному Национальным исследовательским институтом «Высшая школа экономики», за период с 2012 по 2019 гг.

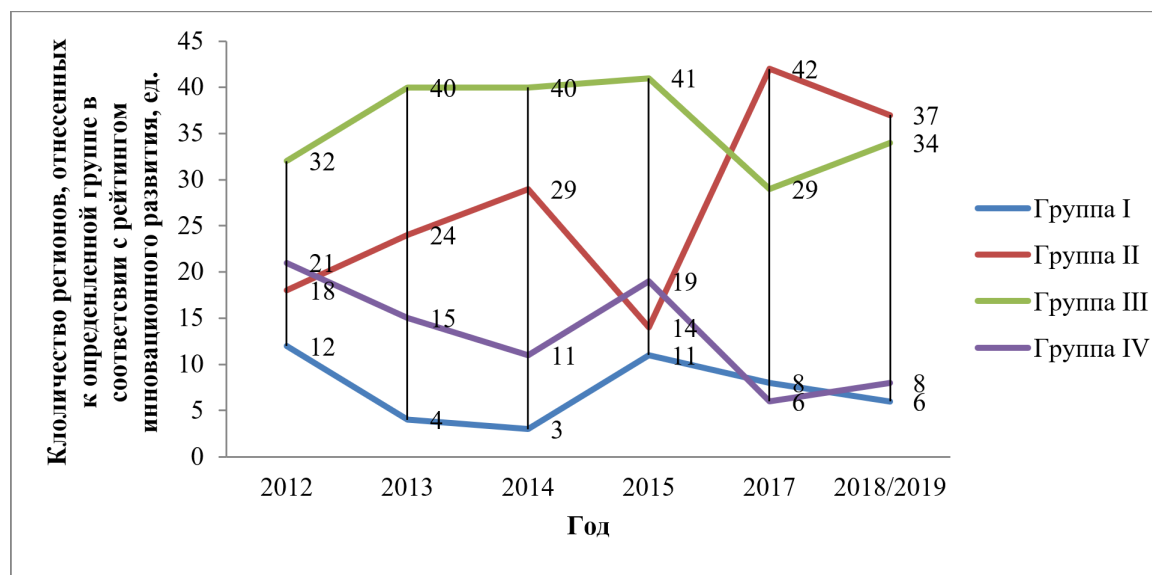

Рисунок 1

На основании представленного выше материала можно сделать ряд выводов:

1. В отношении сущности понятия «инновационный потенциал региона» можно выделить ряд подходов: ресурсный подход; подход, в рамках которого инновационный потенциал региона рассматривается как совокупность способностей и возможностей, необходимых для ведения инновационной деятельности; комплексный подход. В рамках настоящего исследования было принято решение придерживаться комплексного подхода, поскольку он подчеркивает и раскрывает многоаспектность данного понятия.
2. Наиболее распространенными методиками оценки инновационного потенциала российских регионов являются «Рейтинг инновационных регионов России» для целей мониторинга и управления, разработанный Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР), а также «Рейтинг инновационного развития субъ-

ектов Российской Федерации», разработанный Национальным исследовательским институтом «Высшая школа экономики».

3. Ретроспективный анализ распределения регионов в группах по рейтингу инновационного развития позволил заключить, что за период с 2012 по 2019 гг. инновационный потенциал российских регионов возрос.

Следует заметить, что инновационный потенциал региона представляет собой сложную систему, состоящую из отдельных компонентов (например, научно-технической составляющей, экспортной составляющей и пр.). Таким образом, исследование может быть продолжено в направлении оценки влияния элементов, составляющих инновационный потенциал, на региональное развитие. Это позволит понять, какие именно составляющие инновационного потенциала регионов в наибольшей степени влияют на социально-экономическое развитие территорий. В свою очередь, это будет важным для принятия управленческих решений.

Список литературы:

1. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
2. Иванов С. Л., Устинова К. А. Инновационный потенциал региона как фактор развития предпринимательства // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 5. С. 146–165.
3. Нигматуллин Ш. И. Оценка инновационного потенциала и инновационного развития в регионе // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 3 (159). С. 62–66.
4. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации // Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 16.12.2021).

References:

1. Uskova T. V. Management of sustainable development of the region. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.

2. Ivanov S. L., Ustinova K. A. The innovative potential of the region as a factor in the development of entrepreneurship // Problems of the development of the territory. 2021. T. 25. No. 5. Pp. 146–165.

3. Nigmatullin Sh. I. Assessment of innovative potential and innovative development in the region // Economics and Management: scientific and practical journal. 2021. No. 3 (159). Pp. 62–66.

4. Rating of innovative development of constituent entities of the Russian Federation // National Research Institute "Higher School of Economics". URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (access date: December 16, 2021).

УДК/UDC 331.101.38

Формирование мотивационного ядра работников на основе персонифицированного подхода

Николаев Николай Алексеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:wagner83@mail.ru

Аннотация

Конкуренция за потребителей, ресурсы, высокопродуктивных сотрудников, динамично меняющаяся внешняя среда вынуждают собственников и руководителей изыскивать способы повышения мотивации работников к выполнению трудовых функций и совершенствованию деятельности организации. Данная работа посвящена теоретическому обоснованию модели формирования мотивации и мотивационного ядра работников на основе персонифицированного подхода. Рассмотрены особенности персонифицированного подхода в мотивации и стимулировании персонала. Теоретически обоснована и представлена модель формирования мотивационного ядра работника на основе персонифицированного подхода. Определена и представлена взаимосвязь между потребностями, интересами, мотивами работника и его поведением в процессе осуществления трудовой деятельности.

Ключевые слова: персонифицированное управление персоналом, персонифицированная мотивация труда персонала, формирование мотивов и мотивационного ядра работника на основе персонифицированного подхода.

Formation of the motivational core of employees based on a personalized approach

Nikolayev Nikolay Alekseyevich

Candidate of Economics, assistant professor the Department of Labor Economics and Personnel Management

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia

e-mail:wagner83@mail.ru

Abstract

Competition for consumers, resources, highly productive employees, a dynamically changing external environment force owners and managers to look for ways to increase employee motivation to perform labor functions and improve the organization's activities. This work is devoted to the theoretical substantiation of a model for the formation of motivation and motivational core of workers on the basis of a personified approach. The features of the personalized approach in motivating and stimulating personnel are considered. A model for the formation of an employee's motivational core based on a personified approach is theoretically substantiated and presented. The relationship between the needs, interests, motives of the employee and his behavior in the process of carrying out labor activity is determined and presented.

Key words: personified personnel management, personified motivation of personnel labor, formation of motives and motivational core of an employee based on a personified approach.

Для формирования необходимого уровня мотивации работников к улучшению деятельности организации руководители должны обеспечить их мотивацию не только к выполнению своих трудовых функций, но и к участию в совершенствовании деятельности и реализации стратегии развития предприятия.

Однако, как показывает практика, применение общих для всего персонала методов стимулирования, премиальное поощрение рационализаторских предложений, награждение инициативных сотрудников не позволяет целенаправленно, систематически, осознанно вовлекать в процессы улучшения необходимых работников. Трудовой и инновационный потенциал многих сотрудников остается незадействованным в процессах совершенствования деятельности. В результате у предприятий остаются

значительные неиспользованные резервы повышения эффективности и конкурентоспособности, а уровень дохода большинства наемных работников в России остается достаточно низким.

Несмотря на множество имеющихся трудов, посвященных управлению вовлеченностью работников, пробелом в знаниях остается вопрос персонифицированного подхода к управлению мотивацией персонала. Нерассмотренной является проблема персонифицированного формирования и сохранения мотивационного ядра работников как единства определяющих мотивов и соответствующих им стимулов, условий труда, предлагаемых организацией.

Потребность руководителей и собственников в эффективном инструменте формирования, сохранения и повышения мотивации персонала к непрерывному совершенствованию деятельности предприятия и недостаточная развитость методического инструментария по мотивации персонала на основе персонифицированного подхода обуславливает актуальность проводимого исследования.

Цель исследования — развитие концепции управления мотивацией персонала к совершенствованию деятельности предприятия на основе персонифицированного подхода.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных отдельным аспектам персонифицированного управления кадрами в отечественной и зарубежной литературе, нам не удалось обнаружить исследований, в которых была бы представлена теория и методология персонифицированного управления персоналом, образующая единую систему знаний. С помощью персонифицированного подхода к управлению авторы решают отдельные управленческие задачи. Некоторые подходы к персонифицированному управлению сотрудниками предприятия представлены в табл. 1.

Направления развития теории и методологии персонифицированного управления персоналом

№	Направление	Основное содержание и авторы исследований
1	Индивидуальное стимулирование и мотивация труда персонала	Формирование индивидуальных материальных и нематериальных стимулов для повышения мотивации трудовой деятельности. Авторы: А. Я. Кибанов [1, с. 522], А. Г. Здравомыслов [2], В. А. Ядов [3], А. Маслоу [4], Ф. Херцберг [5], Е. Лоулер, Л. Портер [6] и др.
2	Индивидуальное профессиональное и социальное развитие сотрудников	Разработка систем индивидуального обучения, профессионального, карьерного, социального развития сотрудников. Авторы: А. Я. Кибанов [1], М. Армстронг [7] и др.
3	Индивидуальное развитие компетенций персонала	Развитие теории и методологии управления компетенциями персонала с использованием индивидуального подхода. Авторы: Л. В. Лабунский [8], О. Л. Чуланова [9] и др.
4	Персонифицированное развитие человеческого и трудового капитала персонала	Развитие теории и методологии управления трудовым и человеческим капиталом персонала предприятия. Авторы: В. А. Галкин [10], Т. А. Коркина [11], А. М. Макаров [12], М. Н. Полещук [13] и др.
5	Согласование индивидуальных и корпоративных ценностей	Методология развития корпоративной культуры в аспекте согласования индивидуальных и корпоративных ценностей. Авторы: В. Н. Белкин [14], Б. Б. Басаев, А. Б. Фиашев и А. А. Фиашева [15], С. А. Шапиро [16] и др.
6	Индивидуальное согласование интересов и ответственности персонала	Развитие теории интересов посредством определения и согласования индивидуальных интересов работника и работодателя, работников и других стейкхолдеров предприятия. Формулирование принципов баланса интересов и ответственности как принципа взаимодействия сотрудников. Авторы: В. Б. Артемьев [12], В. А. Галкин [10], А. Б. Килин [12], А. М. Макаров [12] и др.

Таблица 1

Как видно из табл. 1, в научно-методологической литературе представлено множество трудов, посвященных различным аспектам индивидуального управления персоналом предприятия. Вместе с тем в изученных источниках представлены теоретические взгляды, методы, методики решения отдельных управленческих задач и функций управления персо-

налом, а пробелом в знаниях остаются теоретические разработки, посвященные персонифицированной мотивации персонала к участию в процессах совершенствования деятельности организации.

Под *персонифицированным подходом к управлению персоналом* понимается целенаправленное воздействие руководителя на работника для достижения желаемого состояния или результатов деятельности на основе индивидуальных ценностей, интересов, мотивов, профессиональных и социально-психологических особенностей, намерений работника.

Персонифицированное достоверное определение и использование ценностей, интересов, мотивов, социально-психологических особенностей, намерений работников позволяет:

1. Повышать точность прогноза поведения сотрудника в организации.
2. Выбирать персональные методы и средства управленческих воздействий, основанные на определении индивидуальных ценностей, интересов, профессиональных, социально-психологических особенностей и намерений работников и значительно повышать их результативность, т. е. степень и вероятность достижения результатов сотрудничества.
3. Индивидуально определять и согласовывать цели сотрудничества, интересы в отношении целей, алгоритмы действий, взаимодействия, повышать уровень организационно-экономических отношений между руководителем (работодателем) и работником, в т. ч. по поводу повышения эффективности деятельности предприятия.
4. Персонифицировано осуществлять функции управления персоналом: планирование, мотивацию и стимулирование, организацию и координацию, контроль, оценку результатов, вознаграждение, управление удовлетворенностью персонала и другие функции управления.

Персональный выбор материальных, нематериальных стимулов и условий труда осуществляется работодателем на основе понимания цен-

ностей, потребностей, интересов работника, определяющих его мотивацию при выборе вида трудовой деятельности с одной стороны и предположения о тех потребностях и интересах, которые можно сформировать путем его мотивации и стимулирования, с другой.

Руководителю априори точно неизвестны, какие персональные интересы работника могут перейти в мотивы его действий. Поэтому все стимулы, условия, вид трудовой деятельности, который он предлагает сотруднику, должны пройти обязательное подтверждение и принятие работником. Основными критериями подтверждения верности предложенного вида трудовой деятельности, условий и стимулов труда являются:

- 1) формирование устойчивой высокой мотивации к труду, которая проявляется в систематических активных и инициативных действиях в процессе труда;
- 2) интерес, мотивы и мотивация к содержанию труда, которая проявляется в процессе трудовой деятельности;
- 3) удовлетворенность стимулами труда.

Под стимулом понимается внешний предмет, процесс, используемый для мотивации работника, побуждению его к действиям. Стимулы делятся на материальные, которые непосредственно связаны с удовлетворением материальных потребностей человека, например в воде, пище, одежде, жилье и т. д., и нематериальные, которые связаны с удовлетворением социально-психологических, духовных потребностей человека, например признание, статус в обществе, творчество, интересный труд как потребность и т. д. Материальные в зависимости от формы делятся на денежные и неденежные. Денежные выражены в форме денег как всеобщего эквивалента, неденежные — в натуральной форме, например продукты питания, путевка в санаторий, предоставление служебного жилья и т. д.

Руководителю следует на основе предполагаемых неудовлетворенных потребностей работника определить те стимулы, которые способны сформировать достаточно высокую мотивацию работника к достижению

целей или решения отдельных задач развития предприятия и которые будут соответствовать ресурсным возможностям.

Для формирования устойчивой мотивации работнику необходимо предложить с одной стороны вид деятельности, соответствующий его интересам к содержанию труда, а с другой стороны — стимулы за результаты труда, которые будут удовлетворять его актуальные материальные и нематериальные потребности.

Фактически руководителю необходимо сформировать персональное мотивационное ядро работника, которое будет являться основой и условием его устойчиво высокой мотивации, а значит и увлеченной трудовой деятельности.

Под *мотивационным ядром* работника понимается система стимулов и мотивов, являющаяся двигателем трудовой деятельности персонала в данный период жизни организации, это единство связанных между собой стимулов и мотивов [1]. По своей сути, мотивационное ядро работника представляет собой единство стимулов и мотивов, определяющих уровень мотивации его труда в относительно устойчивый период времени. Мотивационное ядро работника характеризуется следующими свойствами:

- 1) наличие устойчивой взаимосвязи между мотивами и стимулами;
- 2) относительная устойчивость мотивов, мотивационного ядра во времени, к изменениям внешней среды, но при сохранении базовых ценностей, потребностей, интересов работника, системы стимулов и условий труда в организации;
- 3) изменчивость мотивов, мотивационного ядра при изменении базовых ценностей, потребностей, интересов работника, системы стимулов и условий труда в организации;
- 4) усиление мотивации при повышении уровня развития мотивационного ядра работника и наоборот, ослабление мотивации при снижении уровня развития мотивационного ядра.

Развитие мотивационного ядра представляет собой увеличение числа персональных потребностей, интересов работников и полноценности их удовлетворения стимулами, условиями труда в организации. Иначе говоря, чем в большем количестве и объеме работник в организации удовлетворяет свои потребности и интересы за счет трудовой деятельности, тем более развито мотивационное ядро и выше уровень мотивации.

Деятельность человека в целом и трудовая деятельность работника в частности определяются множеством различных мотивов, например удовлетворение базовых физиологических потребностей, потребностей в профессиональном развитии, творческом самовыражении, признании и т. д. Определяя такое многообразие потребностей, движущих человеком в его трудовой деятельности, с позиции целей нашего исследования возникает важный теоретический вопрос: какие потребности, интересы, мотивы являются главными, определяющими уровень мотивации и трудовое поведение работника? Для теории и практики управления персоналом важно понять, какие именно главные потребности, интересы, мотивы определяют мотивацию, трудовое поведение работника и мотивацию к совершенствованию деятельности персонала, предприятия в частности.

На наш взгляд, для ответа на этот вопрос необходимо ввести понятие «*определяющий мотив*», т. е. тот мотив, который является определяющим в сознательной, организованной, направленной и устойчивой деятельности человека. Критерием, по которому можно найти определяющий мотив деятельности человека, является его необходимость в структуре мотивов. Иначе говоря, определяющим поведение человека в рассматриваемой ситуации и промежутке времени является тот мотив, без которого в данный момент сознательная, направленная деятельность человека была бы невозможна. И наоборот, присутствие именно этого мотива с необходимостью обуславливает и определяет содержание сознательной, активной, организованной деятельности человека. Например, если в данный момент времени для человека важнее всего удовлетворить жизненно необходимые потребности в воде, пище, жилье, то, вероятнее всего, именно эти потребности будут определяющими мотивами

его деятельности, несмотря на то, что его может также мотивировать и интересное содержание труда, профессиональное развитие, самовыражение и т. д. Без удовлетворения этих базовых, жизненно необходимых потребностей работник не будет трудиться в этой организации, несмотря на имеющиеся другие мотивы труда, поскольку именно этот мотив, связанный с его актуальными на данный момент жизненно необходимыми потребностями, является определяющим.

Следовательно, определяющий мотив — это такой мотив, без присутствия которого сознательная, направленная, устойчивая деятельность человека в данный момент времени не может существовать. Раз есть определяющий мотив, то логичным представляется существование определяющего стимула, т. е. внешнего предмета или процесса, который мотивирует работника к сознательной, направленной деятельности ради удовлетворения потребностей посредством этого предмета или процесса.

Схема формирования определяющих мотивов, стимулов и мотивационного ядра представлена на рис. 1.

Схема формирования определяющих мотивов, стимулов и мотивационного ядра работника

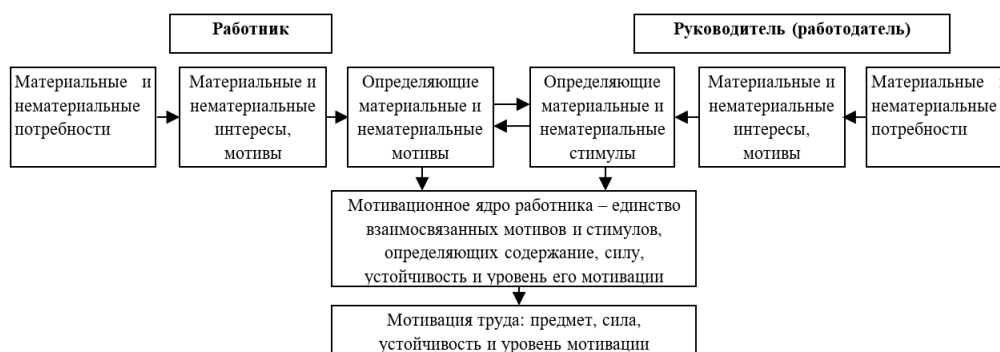

Рисунок 1

Рассмотрим подробнее процесс развития мотивационного ядра и мотивации труда на основе персонифицированного формирования определяющих мотивов и стимулов труда.

Руководитель (работодатель) на основе известных потребностей, интересов организации определяет цели, задачи трудовой деятельности

работника, в частности цели и задачи повышения эффективности деятельности персонала, предприятия. Далее определяются предполагаемые интересы работника, на базе которых можно сформировать его мотивы, мотивационное ядро и мотивацию к труду.

На основе представлений руководитель формирует цели, задачи работнику, а также подкрепляет эти задачи соответствующими стимулами, организует условия труда. Если предложенные руководителем стимулы и условия труда активизируют определяющие интересы и формируют мотивы труда работника, то у него формируется мотивационное ядро и мотивация труда. Если предложенные руководителем стимулы не соответствуют определяющим интересам работника или удовлетворение стимулами потребностей сотрудника недостаточно, то мотивация к достижению целей не формируется или формируется на низком уровне.

Как показывает практика, в случае если у работника не сформирован достаточный уровень мотивации к достижению целей и решению задач совершенствования деятельности и развития организации, то он, скорее всего, не будет этим заниматься или будет выполнять свою работу недостаточно качественно и ответственно.

Из схемы, описывающей взаимосвязь потребностей, интересов, определяющих мотивов и стимулов труда, следует, что управлять мотивацией к труду можно следующими тремя способами:

1. *Управление определяющими мотивами труда*, т. е. формирование и усиление определяющих мотивов труда работника, которые он может удовлетворить за счет решения задач и достижения целей развития предприятия, причем желательно, чтобы определяющим мотивом труда работника был интерес к содержанию труда, т. к. данный мотив является основой формирования увлеченного уровня мотивации. Формирование и усиление определяющих мотивацию к достижению целей, задач мотивов производится путем целенаправленного воздействия на актуальные потребности, интересы работника с целью перехода их в актуальные, определяющие мотивы. Например, для формиро-

вания мотивов к развитию и совершенствованию деятельности предприятия сотруднику можно показать интересные, творческие, профессионально или личностно развивающие стороны деятельности. В частности, овладение передовыми методами организации труда, методами бережливого производства, усовершенствование технологии производства способны приносить человеку творческое удовлетворение от своей деятельности. Поэтому при соответствующей пропаганде, объяснении этих составляющих у работника вполне вероятно может сформироваться интерес, мотив, мотивация к деятельности. А подкрепление этих мотивов соответствующими стимулами и условиями труда может сформировать устойчивое мотивационное ядро работника.

2. *Управление определяющими стимулами труда*, т. е. формирование и усиление стимулов, соответствующих мотивам труда. Определение стимулов в этом случае происходит путем достоверного определения содержания мотивов и формирования соответствующих стимулов труда, которые достаточно полноценно удовлетворяют эти мотивы. В отличие от первого способа, руководитель основное внимание уделяет не персонифицированному формированию или усилению интересов, мотивов работника, а их выявлению, т. е. выбирает и предлагает соответствующие этим мотивам стимулы, условия труда, причем стимулы предлагаются за результаты труда и работы по совершенствованию деятельности персонала и предприятия в частности. Иначе говоря, если в первом случае руководитель формирует или усиливает мотивы к определенной трудовой деятельности, то во втором случае он формирует или изменяет стимулы, условия труда для более полноценного удовлетворения имеющихся у работника определяющих мотивов. Или, говоря кратко, в первом случае воздействие производится на мотив, во втором — на стимул. Например, если определяющим для работника является

ся денежный мотив, то руководитель может предложить ему полноценно удовлетворяющий его денежный стимул за необходимые результаты деятельности по решению задач развития предприятия.

3. *Управление определяющими мотивами и стимулами труда*, т. е. управленческое воздействие на мотивы работника с целью их направления на развитие и повышение эффективности деятельности предприятия и вместе с тем формирование, усиление стимулов, соответствующих мотивам труда. В этом случае руководитель осуществляет управленческие воздействия на интересы работника, направляя их на совершенствование деятельности персонала, предприятия, вместе с тем формирует и предлагает работнику материальные и нематериальные стимулы, соответствующие изменяемым интересам для формирования, усиления, повышения устойчивости мотивов. Или, говоря кратко, руководитель одновременно воздействует и на мотивы, и на стимулы работника для формирования сильной, устойчивой, предметно-направленной мотивации к труду для совершенствования деятельности, развития персонала и предприятия. Например, если в структуре мотивов работника преобладают денежные мотивы, являясь определяющими в его трудовой деятельности, руководитель может усиливать неденежные интересы работника: интерес к профессиональному развитию, труду как потребности, карьерному росту и одновременно предлагать дополнительные денежные стимулы.

В результате описанных выше шагов в сознании руководителя должен сформироваться образ мотивационного ядра, которое будет являться основанием для целенаправленной, целеустремленной, устойчивой во времени трудовой деятельности работника.

Для достижения целей, результативного решения задач совершенствования деятельности, развития персонала и предприятия трудовая

деятельность работников должна обладать следующими необходимыми и достаточными свойствами:

- 1) целенаправленность — т. е. сознательная направленность деятельности работника на достижение согласованных с руководителем целей совершенствования деятельности и развития организации;
- 2) целеустремленность — сосредоточенность на достижении цели, несмотря на возникающие трудности, препятствия, проблемы, способность преодолевать их и достигать цели;
- 3) устойчивость во времени — устойчивость деятельности работника по достижению цели в течение продолжительного времени;
- 4) ясность и согласованность методов, алгоритмов, планов решения задач, достижения цели, вознаграждения за ее достижение;
- 5) удовлетворение определяющих потребностей, интересов, мотивов работника в результате достижения цели.

Для обеспечения этой деятельности работника с описанными выше свойствами необходимо, чтобы она была подкреплена соответствующими потребностями, интересами, мотивами и стимулами, образующими в единстве мотивационное ядро работника, являющееся основой для его мотивации к целенаправленной устойчивой деятельности. Поэтому для обеспечения вышеуказанных свойств деятельности работника важно, чтобы потребности, интересы, мотивы труда работника обладали соответствующими свойствами. Свойства потребностей, интересов, мотивов, стимулов труда и их влияние на характеристики мотивации труда и деятельности работника представлены в табл. 2.

Соответствие свойств потребностей, интересов, мотивов, трудовой деятельности

№	Потребности	Интересы	Мотивы труда	Трудовая деятельность
<i>Соответствие свойств</i>				
1	<i>Осознанность потребностей</i> — понимание потребности	<i>Понимание связи интересов с целью</i> — понимание связи удовлетворения интереса работника за счет или в процессе достижения цели	<i>Целенаправленность мотива</i> — сознательная направленность побуждения работника к цели	<i>Целенаправленность деятельности</i> — сознательная направленность деятельности работника на достижение цели
2	<i>Актуальность потребностей</i> — важность, насущность потребностей работника в данный момент времени	<i>Сила интересов к достижению цели</i> — степень неудовлетворенности потребностей работника, которые можно удовлетворить за счет достижения цели	<i>Сила мотива к достижению цели</i> — степень побуждения работника к достижению цели	<i>Целеустремленность деятельности</i> — сосредоточенность на достижении цели, несмотря на возникающие трудности и проблемы
3	<i>Устойчивость потребностей</i> — сохранение потребностей во времени	<i>Устойчивость интересов</i> — сохранение интересов к достижению цели во времени для удовлетворения потребности	<i>Устойчивость мотива</i> — устойчивость побуждения к достижению цели	<i>Устойчивость деятельности</i> — устойчивость деятельности работника по достижению цели для удовлетворения устойчивых интересов, мотивов труда
4	<i>Согласованность потребностей</i> — понимание взаимосвязи удовлетворения потребностей с целями, планами, задачами, методами, алгоритмами действий	<i>Согласованность интересов</i> — понимание взаимосвязи удовлетворения интересов с целями, планами, задачами, методами, алгоритмами действий	<i>Согласованность мотива</i> — понимание взаимосвязи мотива с целями, планами, задачами, методами, алгоритмами действий	<i>Согласованность деятельности</i> — деятельность в соответствии с согласованными целями, планами, задачами, методами, алгоритмами
5	<i>Удовлетворенность потребностей</i> — удовлетворенность нужд работника деятельностью по достижению цели	<i>Удовлетворенность интересов</i> — удовлетворенность интересов, как актуализированных потребностей	<i>Удовлетворенность мотива</i> — удовлетворенность мотива, побуждающего к деятельности	<i>Удовлетворенность деятельностью</i> — удовлетворенность процессом, содержанием и результатами деятельности по достижению цели

Таблица 2

Как видно из табл. 2, для целенаправленной, целеустремленной, устойчивой, согласованной деятельности работника по достижению целей необходимо обеспечить ее соответствующими свойствами потребностей, интересов, мотивов труда.

Таким образом, в отличие от общего подхода применение персонифицированного подхода к управлению персоналом позволяет руководителям индивидуально определять, актуализировать интересы, мотивы, определяющие поведение работника, и формировать соответствующую этим мотивам систему стимулирования, которая образует мотивационное ядро работника. Персонифицированное формирование мотивационного ядра, описывающего целенаправленные, сильные, устойчивые мотивы работника для участия в совершенствовании деятельности организации, закономерно обеспечивает целенаправленную, сильную, устойчивую мотивацию к трудовой деятельности.

Использование персонифицированного подхода к формированию мотивационного ядра работников позволяет индивидуально вовлечь необходимых работников в процесс непрерывного совершенствования деятельности организации, повысить их удовлетворенность предоставляемыми стимулами, условиями труда, трудовой деятельностью в организации, обеспечить стабильность кадрового состава организации.

Список литературы:

1. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: учебник / Под. ред. А. Я. Кибанова. 4-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2014. 695 с.
2. Здравомыслов А. Г. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
3. Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 1721.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2009. 479 с.
5. Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 127.
6. Lawler E. E., Porter L. W. The Effect of performance on job satisfaction // Industrial Relations. 1967. Vol. 7. Pp. 20–28.

7. Армстронг М., Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. (пер. с англ.); под ред. С. К. Мордовика. СПб.: Питер, 2010. 842 с.
8. Лабунский Л. В. Методология развития компетенций персонала горнодобывающего предприятия: дисс. . . . д-ра экон. наук. Челябинск, 2004. 376 с.
9. Чуланова О. Л. Управление персоналом на основе компетенций: монография / О. Л. Чуланова. М.: Инфра-М, 2018. 400 с.
10. Галкин В. А. Управление персоналом – концепция НТЦ-НИИОГР / В. А. Галкин, Л. В. Лабунский, А. М. Макаров, В. А. Пикалов // Итоги и проблемы производства, науки и образования в сфере добычи полезных ископаемых открытым способом: материалы междунар. науч.-техн. конф. (Екатеринбург, 10–12 окт. 2002 г.). – Екатеринбург: УГГГА, 2002. С. 281–285.
11. Коркина Т. А. Управление инвестициями в человеческий капитал угледобывающих предприятий: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Челябинск, 2010. 55 с.
12. Артемьев В. Б., Килин А. Б., Галкин В. А., Макаров А. М. Угледобывающее предприятие: руководитель и руководство. М.: Издательство «Горная книга», 2016. 48 с.
13. Полещук М. Н. Управление социально-трудовыми отношениями инновационных групп угледобывающего предприятия: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, 2009. 24 с.
14. Белкин В. Н. Теория человеческого капитала предприятия. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 400 с.
15. Басаев Б. Б., Фиапшев А. Б., Фиапшева А. А. Корпоративная культура и ее развитие в аспекте согласования организационных и индивидуальных ценностей // Известия Горского государственного аграрного университета. 2015. Т. 52. № 3. С. 217–224.
16. Шапиро С. А. Организационная культура: учебник. М.: КНОРУС, 2016. 256 с.

References:

1. Kibanov A. Ya. Organization personnel management: textbook / Under. ed. A. I. Kibanova. 4th ed., add. and revised Moscow: INFRA-M, 2014. 695 p.
2. Zdravomyslov A. G. Man and his work in the USSR and after: textbook / A. G. Zdravomyslov, V. A. Poisons. Moscow: Aspect Press, 2003. 485 p.
3. Yadov V. A. Attitude to Labor: Conceptual Model and Real Trends // Sociological Research. 1983. No. 3. Pp. 1721.
4. Maslow A. Motivation and personality. SPb., 2009. 479 p.

5. Herzberg F., Miner M. U. Motivation to work and production motivation // Sociological research. 1990. No. 1. P. 127.
6. Lawler E. E., Porter L. W. The Effect of performance on job satisfaction // Industrial Relations. 1967. Vol. 7. Pp. 20–28.
7. Armstrong M., Practice of human resource management. 10th ed. (translated from English); ed. S. K. Mordovik. SPb.: Peter, 2010. 842 p.
8. Labunsky L. V. Methodology for the development of the competencies of the personnel of a mining enterprise: diss. ... Dr. econ. sciences. Chelyabinsk, 2004. 376 p.
9. Chulanova O. L. Competence-based personnel management: monograph / O. L. Chulanov. M.: Infra-M, 2018. 400 p.
10. Galkin V. A. Personnel management - the concept of STC-NIIOGR / V. A. Galkin, L. V. Labunsky, A. M. Makarov, V. A. Pikalov // Results and problems of production, science and education in the field of open pit mining: materials of the international. scientific and technical conf. (Yekaterinburg, October 10–12, 2002). - Yekaterinburg: UGGGA, 2002. Pp. 281–285.
11. Korkina T. A. Management of investments in the human capital of coal mining enterprises: thesis abstract for the degree of Doctor of Economics. Chelyabinsk, 2010. 55 p.
12. Artemiev V. B., Kilin A. B., Galkin V. A., Makarov A. M. Coal mining enterprise: manager and management. Moscow: Gornaya Kniga Publishing House, 2016. 48 p.
13. Poleshchuk M. N. Management of social and labor relations of innovative groups of a coal mining enterprise: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of economic sciences, 2009. 24 p.
14. Belkin V. N. Enterprise human capital theory. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 400 p.
15. Basaev B. B., Fiapshev A. B., Fiapsheva A. A. Corporate culture and its development in the aspect of coordinating organizational and individual values // News of the Gorsk State Agrarian University. 2015. Vol. 52. No. 3. Pp. 217–224.
16. Shapiro S. A. Organizational culture: textbook. Moscow: KNORUS, 2016. 256 p.

УДК/UDC 658.8

Влияние пандемии COVID-19 на маркетинг-микс предприятий-экспортеров

Кондратенко Юлия Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:julkon@yandex.ru

SPIN-код: 5887-1810

Аннотация

Пандемия коронавирусной инфекции оказала значительное влияние на все сферы деятельности и вызвала необходимость адаптации как потребителей, так и предприятий к новым условиям ведения бизнеса. В статье исследуется влияние пандемии COVID-19 на комплекс маркетинг-микс предприятий-экспортеров, которые в значительной степени столкнулись с ограничениями (закрытие границ, обязательные карантинные меры во многих странах, отмена выставочных и иных очных мероприятий, логистические ограничения и пр.). На примере предприятия-экспортера медицинского оборудования АО «ПО «Уральский оптико-механический завод» им. Э. С. Яламова» в статье рассматривается комплекс маркетинг-микс организации, анализируются четыре маркетинговые стратегии (товарная, ценовая, распределительная и коммуникативная) и анализируются те изменения, которые были сделаны предприятием, чтобы минимизировать негативные последствия пандемии и адаптировать маркетинговые стратегии к новым условиям ведения бизнеса. Исследование показало, что благодаря проведенным реформам и внедрению новых инструментов и цифровых технологий предприятие смогло не только сохранить экспортную деятельность, но даже увеличить объемы выручки по сравнению с периодом до пандемии.

Ключевые слова: маркетинг-микс, 4P, пандемия, цена, продукт, продвижение, место.

The Impact of the COVID-19 Pandemic on Marketing Mix of Exporting Enterprises

Kondratenko Yulya Nikolayevna

Candidate in Economics, assistant professor, assistant professor of the Marketing and International Management Department

Ural State University of Economics

Yekaterinburg, Russia

e-mail:julkon@yandex.ru

SPIN Code: 5887-1810

Abstract

The coronavirus pandemic has had a significant impact on all areas of activity and has caused the need to adapt both consumers and enterprises to the new business environment. The article examines the impact of the COVID-19 pandemic on the marketing mix of exporting enterprises that have largely faced restrictions (border closures, mandatory quarantines in many countries, cancellation of exhibition and other face-to-face events, logistic restrictions, etc.). Using the example of a medical equipment exporter JSC "PO"Ural Optical and Mechanical Plant "named after E. S. Yalamov the article examines the complex marketing mix of the organization, analyzes four marketing strategies (commodity, price, distribution and communication) and analyzes the changes that were made by the enterprise. to minimize the negative effects of the pandemic and adapt marketing strategies to the new business environment. The study showed that thanks to the reforms and the introduction of new tools and digital technologies, the company was able not only to maintain export activities, but even increase its revenue compared to the period before the pandemic.

Key words: marketing-mix, 4P, pandemic, price, product, promotion, place

Пандемия COVID-19 существенно замедлила развитие глобальной экономической и социальной деятельности. Введенные локдауны, сокращения, переводы на дистанционную работу повлияли и на поведение потребителей снизили покупательскую способность, сместили акцент на онлайн-покупки, привели к увеличению потребления цифрового контента. По данным сервиса Delivery Club, в первую нерабочую неделю в

России потребители сделали на 23% больше заказов, чем за предыдущую, а продление нерабочих дней снова увеличило спрос на доставку продуктов на 10–18% [1]. Практически все компании столкнулись с ограничениями, многие были вынуждены сократить или приостановить свои производства из-за нехватки поставок сырья и комплектующих. Закрывание же границ оказало существенное влияние на внешнеэкономическую деятельность предприятий, потребовав от них существенного изменения международной маркетинговой стратегии для продолжения успешной деятельности.

В 1953 г. Н. Х. Борден ввел в употребление понятие «маркетинговый микс». Изначально в содержание понятия «маркетинг-микс» включалось планирование продукта, ценообразование, брендинг, каналы сбыта, персональные продажи, реклама, продвижение по службе, упаковка, демонстрация, обслуживание, физическая обработка, а также поиск и анализ фактов [2].

В 1960 г. Э. Дж. Маккарти в работе «Базовый маркетинг: управленческий подход» сформулировал классификацию, названную «4Р» и объединяющую четыре элемента: product (продукт), place (место), price (цена), promotion (продвижение). В своей работе Э. Дж. Маккарти дал общее описание комплексу маркетинга как «совокупности инструментов, которую могут использовать компании для повышения своей конкурентоспособности, изменяя характеристики продукта, устанавливая подходящую цену, организуя сбыт и продвижение, чтобы наилучшим образом удовлетворить потребности целевых рынков» [3].

Позднее, в 1980-е гг., маркетологи Б. Бумс и Дж. Битнер расширили модель, добавив еще три параметра на букву «Р»: people (люди), process (процесс взаимодействия производителя и покупателя), physical evidence (физическая среда, внешнее окружение). Так появились 5Р и 7Р [4].

Предложенную Э. Дж. Маккарти концепцию впоследствии усовершенствовал Ф. Котлер. Он проанализировал выделенные ранее элементы и поменял порядок их расположения в системе маркетинга:

- 1) продукт,
- 2) цена,
- 3) место,
- 4) продвижение.

Таким образом, была сформулирована традиционная концепция маркетинг-микса — правильный товар по правильной цене в правильном месте благодаря правильному продвижению [5].

Следует отметить, что особенно сильно пандемия повлияла на организации, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью. Предприятия-экспортеры, как правило, работают по традиционным схемам. Связи с потребителями поддерживаются благодаря личным контактам менеджеров по продажам, заказы оформляются внешнеторговыми контрактами и соглашениями с большим количеством сопроводительных документов, продвижение продукции происходит через международные выставки и очные переговоры. Однако в условиях пандемии стандартные схемы работы в рамках концепции 4P оказались неэффективными.

АО «ПО «Уральский оптико-механический завод» им. Э. С. Яламова» (далее по тексту — «УОМЗ») с 1990-х гг. активно занимается экспортом медицинской продукции на зарубежные рынки, поставляя оборудование в более чем 80 стран мира. В 2020 г., в первый год пандемии, объемы экспорта предприятия снизились на 14% по сравнению с 2019 г. Основными причинами стали:

- 1) перераспределение бюджетов в пользу закупки продукции, необходимой для борьбы с последствиями вируса;
- 2) закрытие границ и отмена части регулярных рейсов, что вызвало проблемы с доставкой уже законтрактованной и оплаченной продукции и привело к росту стоимости логистических услуг (на 40–48%);
- 3) введение временного запрета, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 2 марта 2020 г. № 223, на экспорт отдельных видов продукции, что не позволило организовать поставки в зарубежные страны наиболее востребованных

на тот момент изделий (в частности, аппаратов искусственной вентиляции легких) [6];

- 4) отмена международных выставок, конгрессов и конференций, являющихся основным способом продвижения товаров в B2B сегменте.

С целью сохранения экспорта и увеличения объемов выручки в «УОМЗ» был проведен анализ текущей стратегии маркетинга и принято решение о ее изменении с учетом влияния факторов внешней среды.

На основе модели маркетинг-микс 4Р «УОМЗ» разрабатывает и реализует четыре основных стратегии: товарную, распределительную, ценовую и коммуникативную. Под влиянием пандемии COVID-19 каждая из этих стратегий подверглась реформированию, что позволило предприятию приспособиться к изменившимся условиям и сохранить внешнеэкономическую деятельность.

Международная товарная стратегия.

Ассортиментная политика предприятия в целом носит консервативный характер и обновляется достаточно медленными темпами. Медицинское оборудование включает три товарные группы:

- 1) наркозно-дыхательное оборудование — 3 позиции,
- 2) реанимационное оборудование — 2 позиции,
- 3) неонатальное оборудование — 10 позиций.

До пандемии с 2016 по 2019 гг. наблюдался достаточно медленный рост коэффициента новизны товарного ассортимента (от 0,06 до 0,12).

На рис. 1 представлена матрица БКГ, составленная по трем товарным группам медицинской продукции предприятия.

Согласно рис. 1, группа товаров «Неонатальное оборудование» (категория «Звезды») до пандемии находилась на пике своего жизненного цикла, хотя их относительная доля рынка в международной торговле невелика в связи с высоким уровнем конкуренции.

Группа товаров «Наркозно-дыхательное оборудование» принадлежала к категории «Дойные коровы», т. е. приносила стабильный уровень прибыли предприятию, но имела более низкие темпы роста рынка.

Матрица БКГ по медицинскому оборудованию «УОМЗ», 2019

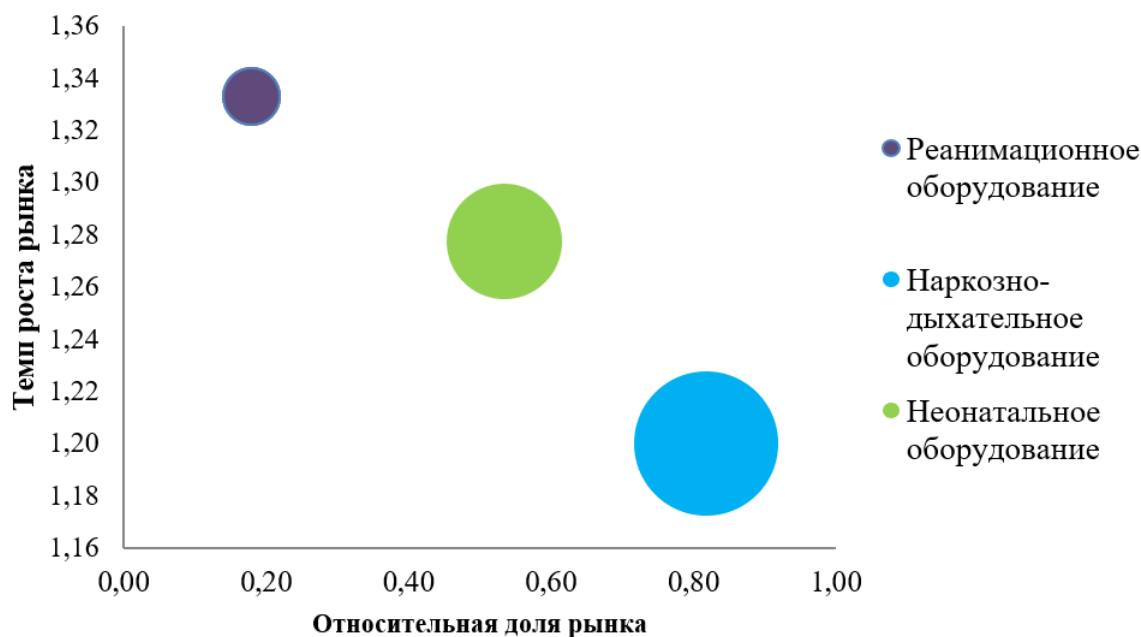

Рисунок 1

Группа товаров «Реанимационное оборудование» относилась к категории «Трудные дети». Данный сегмент имел высокие темпы роста, но очень низкий охват рынка.

В период пандемии указанные группы товаров оказались слабо востребованными, что вызвало падение объемов продаж на 14% и проблемы с загрузкой производственных мощностей. В итоге было принято решение о быстром расширении номенклатуры за счет оборудования, помогающего бороться с COVID-19. За 2020 г. был разработан узел подготовки кислорода, пульсоксиметр, усовершенствован аппарат анестезии за счет введения блока искусственной вентиляции легких, модернизирован увлажнитель дыхательных смесей, завершена разработка открытой реанимационной системы с респираторным блоком и начата разработка аппарата для искусственной вентиляции легких. В итоге коэффициент новизны товарного ассортимента вырос до 0,33, и это позволило за 9 месяцев 2021 г. увеличить объем выручки на 7% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. и сохранить полную загрузку производственных мощностей.

Международная распределительная стратегия.

«УОМЗ» — предприятие с рыночно-ориентированной структурой холдингового типа, построенной по продуктово-дивизиональному принципу. Для поставок медицинского оборудования на экспорт используется селективная форма распределения товаров.

Международной распределительной политикой занимаются непосредственно Департамент по продвижению и продажам гражданской продукции на экспорт и зарубежные дочерние общества в Китае, Швейцарии и Белоруссии. В качестве посредников между заводом и/или его дочерними предприятиями выступают дистрибьюторы, расположенные в других странах. На базе дистрибьюторов созданы сервисные центры, которые осуществляют непосредственное взаимодействие с конечными пользователями (медицинскими учреждениями). При этом с дистрибьюторами заключаются как стандартные соглашения, так и эксклюзивные, закрепляющие рынок сбыта за одним партнером.

В период пандемии главными изменениями в распределительной стратегии стали:

- 1) аннулирование ряда эксклюзивных соглашений с дистрибьюторами в связи с невозможностью последних выполнить заявленные объемы продаж;
- 2) отказ от заключения новых эксклюзивных соглашений с дистрибьюторами в связи с нестабильной экономической ситуацией на местных рынках и невозможностью спрогнозировать гарантированные объемы продаж.

За 2020-2021 гг. не было заключено ни одного нового эксклюзивного дистрибьюторского соглашения и аннулировано 4 соглашения. Большая часть дистрибьюторов переведена на работу в рамках авторизаций, выдаваемых на короткий период под конкретный проект или тендер.

С одной стороны, это позволило принимать участие в большем количестве проектов и оперативно получать разовые заказы, а с другой — усложнило систему производственного планирования.

Международная ценовая стратегия.

До пандемии, разрабатывая международную ценовую стратегию, «УОМЗ» учитывал экспортные издержки, внутренние трансфертные цены, а также трансфертные цены для зарубежных филиалов в Китае, Швейцарии и Белоруссии, придерживаясь на большинстве рынков стратегии проникновения на рынок с целью вытеснения имеющихся конкурентов.

В период пандемии коронавирусной инфекции после разработки товаров, востребованных рынками, на них были установлены цены на базе стратегии «снятия сливок», а позднее — на уровне среднерыночных. Для поддержания остальной номенклатуры стала использоваться ценовая стратегия периодической скидки, что позволило простимулировать спрос и избежать недогрузки мощностей.

Международная коммуникативная стратегия.

До пандемии COVID-19 основными методами продвижения товара на зарубежный рынок были регулярное участие в специализированных выставках, конгрессах, конференциях (5–6 мероприятий в год), выезды менеджеров по продажам на переговоры к постоянным партнерам для обсуждения крупных проектов и проведения обучения, поддержка сайтов завода и дочерних предприятий, размещение логотипов и информации о продукции на сайтах дистрибьюторов, холодные звонки, рассылки каталогов и специальных предложений.

В условиях пандемии коммуникативная стратегия претерпела наибольшие изменения.

Вместо личных продаж были установлены программы Zoom, Skype, Cisco, Teams, а также камеры и микрофоны на ПК менеджеров для проведения переговоров и презентаций онлайн; упрощена процедура размещения заказов через сайт и расширены инструменты follow-up (помимо телефонных звонков и писем добавлены Instagram, новостные рассылки с сайта, вебинары с потенциальными клиентами).

Вместо очного участия в выставках завод провел регистрацию на площадках онлайн-выставок продолжительностью от 30 дней до года и более (в частности, на MedicalExpo — онлайн-выставке для продвиже-

ния медицинского оборудования) и начал принимать активное участие в видеоконференциях и онлайн бизнес-миссиях, организуемых торговыми представительствами, Торгово-промышленной палатой России, Российским экспортным центром и отраслевыми министерствами.

Вместо выездов для обучения пользователей и дистрибьюторов сервисному обслуживанию и оказания содействия в установке изделий были созданы видеoinструкции по сборке и монтажу оборудования и организованы онлайн-консультации и тренинги.

В табл. 1 приведены основные изменения международной маркетинговой стратегии «УОМЗ» в период пандемии по 4Р.

Изменения комплекса маркетинг-микс на «УОМЗ» за период до и после начала пандемии COVID-19

4 Р	До пандемии(с 2016 по 2019 гг.)	Период пандемии (с 2020 г.)
Продукт Международная товарная стратегия	Консервативная политика, низкие темпы роста коэффициента новизны товарного ассортимента	Расширение номенклатуры за счет наиболее востребованного оборудования, рост коэффициента новизны товарного ассортимента. Эффект: - рост выручки на 7% за 9 месяцев 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. за счет поставки новых изделий; - сохранение полной загрузки мощностей
Место Международная распределительная стратегия	Посредники: эксклюзивные и обычные дистрибьюторы	Посредники: обычные дистрибьюторы, аннулирование эксклюзивных соглашений. Эффект: - ухудшение системы производственного планирования; - увеличение количества разовых проектов и заказов на 6% за 9 месяцев 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

<p>Цена Международная ценовая стратегия</p>	<p>Стратегия проникновения на рынок с целью вытеснения конкурентов</p>	<p>На новые товары — стратегия «снятия сливок», позднее — стратегия среднерыночных цен. На прочие товары — ценовая стратегия периодической скидки. Эффект: - рост выручки на 7% за 9 месяцев 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. за счет поставки новых изделий; - стимулирование спроса на основной ассортимент, обеспечение полной загрузки мощностей</p>
<p>Продвижение Международная коммуникативная стратегия</p>	<p>- регулярное участие в специализированных выставках, конгрессах, конференциях; - прямые продажи; - инструменты follow-up (письма и холодные звонки); - выезды менеджеров для проведения обучения, сервису и монтажу</p>	<p>- онлайн-выставки, участие в ВКС и онлайн бизнес-миссиях РЭЦ, ТПП и отраслевых министерств; - онлайн-переговоры и презентации через программы Zoom, Skype, Cisco, Teams; - расширение инструментов follow-up (добавлены Instagram, новостные рассылки с сайта, вебинары с потенциальными клиентами); - создание видеоинструкций по сборке и монтажу оборудования, онлайн консультации и тренинги для дистрибьюторов. Эффект: - сохранение контактов с постоянными партнерами и нахождение новых партнеров (28 организаций)</p>

Таблица 1

В целом данные мероприятия, проведенные в 2020 г., позволили существенно увеличить объем выручки: за 9 месяцев 2021 г. выручка от продаж продукции на зарубежные рынки выросла на 41% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. и на 8% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Таким образом, проведенные изменения не просто сохранили выручку на прежнем уровне, но даже привели к ее увеличению по сравнению с периодом до пандемии COVID-19, когда предприятие использовало традиционные методы в рамках концепции маркетинг-микс.

Однако если сравнивать очное и заочное взаимодействие, то за 2019 г. с помощью очных мероприятий предприятию удалось найти 34 новых партнера и заключить 18 крупных сделок, тогда как дистанционные средства позволили в 2020 г. найти только 11 новых партнеров и заключить 2 крупных сделки, а за 9 месяцев 2021 г. было найдено 18 новых партнеров и заключено 11 крупных сделок. Это позволяет сделать вывод, что в B2B сегменте цифровые технологии для общения более целесообразно использовать как дополнительные, но не заменять ими традиционное личное общение.

Пандемия коронавирусной инфекции стала для многих предприятий катализатором, спровоцировавшим внедрение цифровых инструментов и новых методов работы. В настоящее время перед такими предприятиями будет стоять задача по поиску оптимального баланса между цифровыми и традиционными инструментами.

Список литературы:

1. Воронина Л. А., Шапошников А. М. Основные тенденции изменения потребительского поведения в условиях пандемии коронавируса // Экономика: теория и практика. 2020. № 2 (58). С. 23–30.
2. Borden N. The concept of marketing mix. Science in Marketing. New York: Wiley, 1964. Pp. 2–7.
3. McCarthy E. J. Basic Marketing: a Managerial Approach. Homewood Ill. R.D. Irwin, 1960. 790 p.
4. Маккарти Э. Д. Концепция 4P // Маркетинг для практиков. URL: <http://marketing-course.ru/konsep-4p-mccarthy/> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. М.: Ростинтэр, 1996. 704 с.
6. Evenett S.J. Talking coronavirus / Prepared by the Global Trade Alert team University of St.Gallen, Switzerland, 2020. 23 p.

References:

1. Voronina L. A., Shaposhnikov A. M. The main trends in consumer behavior change in the context of the coronavirus pandemic // Economy: theory and practice. 2020. No. 2 (58). Pp. 23–30.

2. Borden N. The concept of marketing mix. Science in Marketing. New York: Wiley, 1964. Pp. 2–7.
3. McCarthy E. J. Basic Marketing: a Managerial Approach. Homewood Ill. R.D. Irwin, 1960. 790 p.
4. McCarthy A. D. 4P concept // Marketing for practitioners. URL: <http://marketing-course.ru/koncep-4p-mccarthy/> (access date: November 10, 2021).
5. Kotler F. Fundamentals of Marketing: Per. from English M.: Rostinter, 1996. 704 p.
6. Evenett S. J. Talking coronavirus / Prepared by the Global Trade Alert team University of St.Gallen, Switzerland, 2020. 23 p.

УДК/UDC 338

Анализ процессов формирования концепций и стратегий устойчивого развития

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

г. Одинцово, Россия

e-mail: Tebekin@gmail.com

SPIN-код: 5271-1385

Аннотация

В работе представлены результаты исследования анализа процессов формирования концепций и стратегий бизнеса, предусматриваемых школой предпринимательства Й. Шумпетера, основанных на использовании сигналов, получаемых предпринимателями как руководителями бизнес-структур из внешней среды, преобразуемые в соответствии с трехэтапной моделью изменений К. Левина. Научная новизна результатов представленных исследований заключается в том, что на основе сравнительного анализа рыночных условий формирования концепций и стратегий устойчивого развития школы предпринимательства, выработанных на основе передового опыта перехода от третьего технологического уклада к четвертому и современных рыночных условий перехода от пятого технологического уклада к шестому, выявлены возможности использования положений школы предпринимательства в части формирования концепций и стратегий устойчивого развития.

Ключевые слова: анализ, процессы, формирование, концепции, стратегии, устойчивое развитие.

Analysis of the processes of formation of concepts and strategies for sustainable development

Tebekin Aleksey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Professor of the Department of Management

Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Odintsovo, Russia

e-mail: Tebekin@gmail.com

SPIN Code: 5271-1385

Abstract

The paper presents the results of a study of the analysis of the processes of formation of concepts and business strategies envisaged by the Schumpeter School of Entrepreneurship, based on the use of signals received by entrepreneurs as leaders of business structures from the external environment, transformed in accordance with the three-stage model of changes by K. Lewin. The scientific novelty of the results of the presented studies lies in the fact that on the basis of a comparative analysis of market conditions for the formation of concepts and strategies for the sustainable development of the school of entrepreneurship, developed on the basis of the best practices of the transition from the third technological order to the fourth and modern market conditions for the transition from the fifth technological order to the sixth, identified the possibility of using the provisions of the school of entrepreneurship in terms of the formation of concepts and strategies for sustainable development.

Key words: analysis, processes, formation, concepts, strategies, sustainable development.

Проблема преодоления мирового экономического кризиса 2020-х гг., судя по динамике национального экономического развития, закономерно приобретает для российской экономики затяжной характер.

Здесь уместно вспомнить процесс прохождения российской экономикой предыдущего мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., ко-

гда темпы выхода экономики Российской Федерации из кризиса были значительно ниже темпов выхода из кризиса других стран БРИКС.

Известно, что затяжной характер преодоления подобного рода кризисов для национальной экономики обусловлен самой моделью экономического развития, реализуемой на протяжении последних двух десятилетий, а именно моделью государственного квази-монополистического капитализма, в которой роль малого и среднего частного бизнеса несоизмерима мала на фоне крупного бизнеса, контролируемого государством. Но указанная ситуация не снимает с повестки дня вопроса «Что делать?», чтобы национальная экономика вышла из кризиса: а) в кратчайшие сроки, б) с высокими темпами роста, в) с максимальными конкурентными преимуществами [1].

С учетом неудовлетворительной реализации в национальной экономике «Стратегии-2020» и невнятных попыток сформировать «Стратегию-2030» во исполнение достижения национальных целей, определенных Указом Президента Российской Федерации № 474 от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2], представляется интересным обратиться к исторически накопленному опыту формирования концепций и стратегий бизнеса, наработанному по итогам преодоления кризиса 1920-х гг. в рамках научной школы предпринимательства.

Целью представленных исследований является анализ процессов формирования концепций и стратегий бизнеса, предусматриваемых школой предпринимательства Й. Шумпетера, выработанных на основе передового опыта преодоления экономического кризиса при переходе от третьего технологического уклада к четвертому, применительно к современным рыночным условиям преодоления экономического кризиса при переходе от пятого технологического уклада к шестому.

Методическую базу представленных исследований составили научные труды, посвященные процессам формирования концепций и стратегий бизнеса, обоснованных в рамках школы предпринимательства Й. Шумпетера таких ученых, как А. Бридж [3], П. Дракер [4], К. Кнайт

[5], Г. Минцберг [6], Л. Палич и Р. Бэгби [7], Р. Стейси [8], Ф. Уэтли [9], Й. Шумпетер [10; 11] и др., а также авторские наработки по теме исследований [12–19].

Анализ процессов формирования концепций и стратегий бизнеса, предусматриваемых школой предпринимательства Й. Шумпетера, показывает, что в их исходной точке закономерно лежат сигналы, которые предприниматели как руководители бизнес-структур получают из внешней (рыночной) среды. При этом структурное изменение концепции осуществляется в соответствии с трехэтапной моделью изменений К. Левина [20] (табл. 1).

Структурное изменение концепции развития школы предпринимательства в соответствии с трехэтапной моделью изменений К. Левина

№	Этап реализации модели изменений К. Левина	Структурное изменение концепции развития	Особенности структурного изменения концепции развития школы предпринимательства в соответствии с трехэтапной моделью изменений К. Левина
1	Этап «размораживания»	Отказ от обычных защитных механизмов, привычных «ментальных установок» относительно функционирования компании, когда старые «отраслевые рецепты» уже не годятся	Это период выхода из замешательства, когда на смену этапу, соответствующего состоянию оцепенения, приходит этап поиска выхода из сложившейся ситуации (скопившихся проблем), и предприниматели в поисках полезной информации «превращаются в настоящих ищек» [6]
2	Этап «движение»	Изменение отношения к делу (бизнесу) в преддверии возникновения нового стратегического видения	Для рождения новой концепции достаточно одной-двух ключевых идей, пусть даже тривиальных. Этот процесс сопровождается длительным поиском информации и приводит к сдвигу в мышлении, когда неожиданное озарение новыми ключевыми идеями «словно кристаллизует его, складывая разрозненные элементы в единую, цельную картину» [6]

3	Этап «замораживания»	<p>В условиях, когда необходимо не только правильно оценить неблагоприятную ситуацию для развития бизнеса, но и найти выход из нее, когда в результате стратегического предвидения делаются прогрессивные выводы в виде сформулированной новой концепции, эту позицию нужно закрепить, заставить, «заморозить»</p>	<p>С учетом того, что одержимость идеей новой концепции является непременным атрибутом эффективного развития организации, характерного для этапа «замораживания» [21], в этот период менеджменту крайне важно направить все силы организации на изменение курса ее развития, т. е. на закрепление новых сформированных концептуальных установок. Иначе говоря, теперь, когда организация вышла из ступора непонимания и точно знает направление перспективного движения, ее ближайшей целью становится добраться до конечной цели реализации концепции, используя все имеющиеся ресурсы [6].</p> <p>Безусловно, переход от старой концепции развития бизнеса к новой не снимает проблему сопротивления изменениям частью сотрудников организации. В этом случае, согласно положениям школы предпринимательства, не исключено, что предпринимателю как руководителю придется вновь пройти цепочку этапов модели изменений К. Левина «размораживание — движение — замораживание», находя новый вариант концепции развития.</p> <p>Но это касается лишь случаев массового и мощного сопротивления изменениям в организации. Если же «группа сопротивления изменениям» не столь велика, то менеджменту достаточно будет предпринять усилия по «разморозке» и т. д. именно этой группы либо применить другую технологию из набора по преодолению сопротивлений изменениям</p>
---	----------------------	--	--

Таблица 1

Применительно к современным условиям следует признать, что при формировании концепций и стратегий национальной экономики отсутствует этап «разморозки» (см. табл. 1) как отказ от «ментальных установок» ориентации на сырьевую модель развития экономики.

Кроме того, технология реализации бюджетного правила в Российской Федерации [22] не обеспечивает должный транзит финансовых ресурсов из добывающих отраслей в высокотехнологичные перерабатывающие. По сути средства Фонда национального благосостояния используются для обеспечения растущих издержек либо добывающих отраслей, либо традиционных, но не высокотехнологичных отраслей национальной экономики. Фактически это дестимулирует процесс «движения» (см. табл. 1) национальной экономики от старых технологических укладов к новым.

Таким образом, до этапа «замораживания» (см. табл. 1) новых концепций и стратегий устойчивого развития в национальной экономике дело просто не доходит.

Кроме того, усилиями лобби нефтегазового сектора в национальной экономике перманентно пресекаются попытки «повторной разморозки» новых концепций. Характерным примером предотвращения нефтегазовым лобби попытки радикально изменить концепцию развития национальной экономики в период стагнации 1960-х гг., предшествующей мировому экономическому кризису энергетической природы 1970-х гг., является фактическое блокирование косыгинских реформ [23], направленных на повышение уровня хозяйственной самостоятельности, и реформы тотальной информатизации экономических процессов на базе общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) [24], разработанной под руководством академика В. М. Глушкова и направленной по сути на внедрение в национальную экономику информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» задолго до ее появления в мировой практике.

Переходя от проблемы разработки новой концепции развития бизнеса к задаче формирования стратегии развития, описываемой в положе-

ниях научной школы предпринимательства стратегического менеджмента Й. Шумпетера, необходимо отметить следующие характерные черты.

Во-первых, речь идет о том, что изменение стратегий бизнеса как реализация «смелых шагов» осуществляется предпринимателем достаточно редко. Это является ярким свидетельством того, что, с одной стороны, предпринимаемые шаги являются верными, а, с другой стороны, за короткий период времени добиться существенных успехов в деле обеспечения долгосрочной и стабильной прибыльности не удастся.

Во-вторых, формирование предпринимателем новой стратегии бизнеса в научной школе предпринимательства ассоциируется с так называемой контролируемой смелостью [25], или, говоря иначе, с поведением «смелого труса» (сочетающим смелость идеи и осторожность реализации), который не разрушает «старое здание» бизнеса «до основания», но наполняет его новым видением. Пример Г. Минцберга о введении в период великой депрессии в 1933 г. С. Стейнбергом инновационного по тем временам способа самообслуживания в магазинах [25], наполненных теми же товарами, что и раньше, яркое тому подтверждение.

В-третьих, формирование новой стратегии бизнеса, согласно положениям школы предпринимательства, базируется на глубочайшем знании предпринимателем всех деталей и особенностей бизнеса. Если вернуться к аналогии стратегического предвидения с драматургией театральной пьесы [9], то можно говорить о том, что предприниматель «репетирует» (повторяет) процессы реализации хорошо известного ему бизнеса, одновременно осуществляя поиск его «новых прочтений». Тем самым предприниматель продолжает «стоять на своем пьедестале», сохраняя прекрасно известные ему направления бизнеса, одновременно наполняя их новым стратегическим видением развития. Пример С. Стейнберга, приводимый Г. Минцбергом, яркое тому подтверждение. «Никто не знает бакалейное дело так, как мы его знаем», — говорил С. Стейнберг. — «Любое свое действие мы подкрепляем этим знанием. Я знаю товар, знаю цены, знаю, что как продается, знаю покупателей, я знаю все...

и я передаю свои знания; я постоянно учу своих сотрудников. И в этом наше преимущество. Нас просто так не возьмешь» [6].

В этом смысле С. Стейнбергу как профессионалу не требовалось убеждать, как верно пишет Г. Минцберг [6], ни биржевых аналитиков, ни совет директоров, поскольку его идея: а) реальна, б) очевидна, в) сосредоточена с точки зрения управления реализацией в руках одного человека.

В-четвертых, сильная сторона предпринимательского подхода к формированию и реализации стратегии бизнеса, когда все нити управления сосредоточены в руках одного человека, одновременно является и ее слабой стороной, поскольку случаев, когда на смену одному сильному предпринимателю приходит другой не менее сильный предприниматель, одержимый той же самой идеей, достаточно мало.

Таким образом, проведенный анализа процессов формирования концепций и стратегий бизнеса, предусматриваемых школой предпринимательства Й. Шумпетера, выработанных на основе передового опыта преодоления экономического кризиса при переходе от третьего технологического уклада к четвертому, применительно к современным рыночным условиям преодоления экономического кризиса при переходе от пятого технологического уклада к шестому, показал следующее.

Во-первых, при формировании концепции национальной экономики, направленной на устойчивое развитие, может быть эффективно применен подход, выработанный в рамках научной школы предпринимательства Й. Шумпетера, предусматривающий, что структурное изменение концепции осуществляется в соответствии с трехэтапной моделью изменений К. Левина: «размораживание — движение — замораживание».

При этом применительно к современным условиям для успешного формирования концепции национальной экономики, ориентированной на устойчивое развитие, необходимо разрешить ключевую проблему реализации этапа «разморозки», определяемую отказом от «ментальных установок» ориентации на сырьевую модель развития экономики.

Во-вторых, при решении проблемы разработки новой стратегии развития национальной экономики, ориентированной на устойчивое развитие, также могут быть использованы положения научной школы предпринимательства стратегического менеджмента Й. Шумпетера, для которых свойственны:

- 1) достаточно редкая реализация «смелых шагов» изменения стратегий, свидетельствующая о верности их выбора;
- 2) ориентация на «контролируемую смелость» как сочетание смелости идеи с осторожностью ее реализации;
- 3) опора на глубочайшее знание всех деталей и особенностей бизнеса, предусмотренного новой стратегией.

Представляется, что именно отсутствие достаточной компетенции (глубочайшее знание всех деталей и особенностей) лицами, принимающими решения относительно новых стратегий, и является сегодня ключевой проблемой в обеспечении устойчивого развития национальной экономики.

Список литературы:

1. Основы антикризисного управления (аспирантура, бакалавриат, магистратура). Учебник / Тебекин А. В., Валявский А. Ю., Лукошевичус Г. А., Манюшис А. Ю., Петров В. С. М.: Русайнс, 2020. 162 с.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Bhide A. How Entrepreneurs Craft Strategies That Work. Harvard Business Review. March–April 1994. Pp. 150–161.
4. Drucker P. F. Entrepreneurship in Business Enterprise // Journal of Business Policy. 1970. № 1. Pp. 3–12.
5. Knight K. E. A Descriptive Model of the Intra-Firm Innovation Process // Journal of Business of the University of Chicago. 1967. № 40. Pp. 478–496.
6. Минцберг Г. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / Генри Минцберг, Брюс Альстранд, Жозеф Лампель; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 367 с.

7. Palich L. E. and Bagby R. D. Using Cognitive Theory to Explain Entrepreneurial Risk-Taking: Challenging Conventional Wisdom. *Journal of Business Venturing*. 1995. № 10. Pp. 425–438.

8. Stacey R. *Managing Chaos: Dynamic Business Strategies in an Unpredictable World* London: Kogan Page, 1992.

9. Westley F., and Mintzberg H. Visionary Leadership and Strategic Management. *Strategic Management Journal*. 1989. № 10. Pp: 17–32.

10. Schumpeter J. A. The Creative Response in Economic History. *Journal of Economic History*. November 1947. Pp. 149–159.

11. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

12. Егорова А. А., Тебекин А. В., Тебекин П. А. Роль предпринимателя в положениях школы предпринимательства Й. Шумпетера и его значение в формировании стратегий развития бизнеса в современных условиях // *Стратегии бизнеса*. 2021. Т. 9. № 9. С. 263–270.

13. Егорова А. А., Тебекин А. В., Тебекин П. А. Современные проблемы развития предпринимательства в России и потенциальные пути их решения // *Транспортное дело России*. 2020. № 5. С. 76–83.

14. Игнатьева А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Тебекин А. В., Хорева А. В. Проблемы и перспективы использования положений школы предпринимательства Йозефа Шумпетера для развития современного менеджмента // *Транспортное дело России*. 2021. № 2. С. 69–77.

15. Тебекин А. В. Взгляд «вперед» как основа стратегического развития национальной экономики // *Журнал исследований по управлению*. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–11.

16. Тебекин А. В. Взгляд «назад» как фундамент стратегического развития управляемых социально-экономических систем // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2 (54). С. 123–137.

17. Тебекин А. В. Возможности использования положений школы предпринимательства для преодоления национальной экономикой системного кризиса. *Теоретическая экономика*. 2021. № 8 (80). С.37–49.

18. Тебекин А. В. Роль предпринимателя в развитии стратегий бизнеса: философский аспект // *Журнал философских исследований*. 2021. Т. 7. № 3. С. 40–52.

19. Тебекин А. В. Формирование стратегии развития бизнеса как видения: исторический аспект // *Журнал исторических исследований*. 2021. Т. 6. № 3. С. 37–46.

20. Lewin, K. *Field Theory in Social Science*. New York: Harper Row, 1951.

21. Peters T. J. A Style for All Seasons. Executive Magazine. Summer, Graduate School of Business and Public Administration, Cornell University, 1980. Pp.12–16.

22. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части использования нефтегазовых доходов федерального бюджета: Федеральный закон от 29.07.2017 № 262-ФЗ // Официальный сайт Государственной Думы. URL: <https://duma.consultant.ru/documents/371953> (дата обращения: 15.12.2021).

23. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) Богомолов Е. В., Будкевич Г. В., Генкин А. С., Лазарева Л. Н., Лаптева Е. В. и др. М., 2018.

24. Берг А. И., Китов А. И., Ляпунов А. А. О возможностях автоматизации управления народным хозяйством // Проблемы кибернетики. Вып. 6. М.: Физматгиз, 1961. С. 83–100.

25. Mintzberg H. and Waters J. A. Tracking Strategy in an Entrepreneurial Firm. Academy of Management Journal. № 25. 1982. Pp. 465–499.

26. Дмитрий Григоренко в рамках сессии ПМЭФ-2021 рассказал, каким должно быть клиентоориентированное государство // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/42408/> (дата обращения: 15.12.2021).

References:

1. Fundamentals of crisis management (postgraduate, bachelor's, master's). Textbook / Tebekin A. V., Valyavsky A. Yu., Lukoshevichus G. A., Manyushis A. Yu., Petrov V. S. M.: Rusays, 2020. 162 p.

2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (access date: December 15, 2021).

3. Bhide A. How Entrepreneurs Craft Strategies That Work. Harvard Business Review. March–April 1994. Pp. 150–161.

4. Drucker P. F. Entrepreneurship in Business Enterprise // Journal of Business Policy. 1970. No. 1. Pp. 3–12.

5. Knight K. E. A Descriptive Model of the Intra-Firm Innovation Process // Journal of Business of the University of Chicago. 1967. No. 40. Pp. 478–496.

6. Mintzberg G. Strategic Safari: Excursion to the Wilds of Strategic Management / Henry Mintzberg, Bruce Alstrand, Joseph Lampel; Per. from English M.: Alpina Publisher, 2013. 367 p.

7. Palich L. E. and Bagby R. D. Using Cognitive Theory to Explain Entrepreneurial Risk-Taking: Challenging Conventional Wisdom. *Journal of Business Venturing*. 1995. No. 10. Pp. 425–438.

8. Stacey R. *Managing Chaos: Dynamic Business Strategies in an Unpredictable World* London: Kogan Page, 1992.

9. Westley F. and Mintzberg H. Visionary Leadership and Strategic Management. *Strategic Management Journal*. 1989. No. 10. Pp. 17–32.

10. Schumpeter J. A. The Creative Response in Economic History. *Journal of Economic History*. November, 1947. Pp. 149–159. 11. Schumpeter J. A. *Economic development theory. Capitalism, Socialism and Democracy*. M.: Eksmo, 2008. 864 p.

12. Egorova A. A., Tebekin A. V., Tebekin P. A. The Role of the Entrepreneur in the States of the Business School Y. Schumpeter and his importance in the formation of business development strategies in modern conditions // *Business strategies*. 2021. Vol. 9. No. 9. Pp. 263–270.

13. Egorova A. A., Tebekin A. V., Tebekin P. A. Modern problems of entrepreneurship development in Russia and potential ways to solve them // *Transportnoe delo Rossii*. 2020. No. 5. Pp. 76–83.

14. Ignatieva A. V., Mitropol'skaya-Rodionova N. V., Tebekin A. V., Khoreva A. V. Problems and prospects of using the provisions of the Joseph Schumpeter School of Entrepreneurship for the development of modern management // *Transport business in Russia*. 2021. No. 2. Pp. 69–77.

15. Tebekin A. V. Looking "forward" as the basis for the strategic development of the national economy // *Journal of Management Research*. 2021. T. 7. No. 3. Pp. 3–11.

16. Tebekin A. V. Look "back" as the foundation of strategic development of controlled socio-economic systems // *Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. 2021. No. 2 (54). Pp. 123–137.

17. Tebekin A. V. Possibilities of using the provisions of the school of entrepreneurship to overcome the systemic crisis by the national economy. *Theoretical economics*. 2021. No. 8 (80). Pp. 37–49.

18. Tebekin A. V. The role of the entrepreneur in the development of business strategies: the philosophical aspect // *Journal of Philosophical Research*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 40–52.

19. Tebekin A. V. Formation of a business development strategy as a vision: the historical aspect // *Journal of Historical Research*. 2021. T. 6. No. 3. Pp. 37–46.

20. Lewin, K. *Field Theory in Social Science*. New York: Harper Row, 1951.

21. Peters T. J. *A Style for All Seasons*. Executive Magazine. Summer, Graduate School of Business and Public Administration, Cornell University, 1980. Pp. 12–16.

22. On amendments to the Budget Code of the Russian Federation in terms of the use of oil and gas revenues of the federal budget: Federal Law dated July 29, 2017 No. 262-FZ // Official website of the State Duma. URL: <https://duma.consultant.ru/documents/371953> (access date: December 15, 2021).

23. Wasted Chance or Last Valve? (To the 50th anniversary of the Kosygin reforms in 1965) Bogomolov E. V., Budkevich G. V., Genkin A. S., Lazareva L. N., Lapteva E. V. et al. M., 2018.

24. Berg A. I., Kitov A. I., Lyapunov A. A. On the possibilities of automating the management of the national economy // Problems of Cybernetics. Issue 6. M.: Fizmatgiz, 1961. Pp. 83–100.

25. Mintzberg H., and Waters J. A. Tracking Strategy in an Entrepreneurial Firm. Academy of Management Journal. No. 25. 1982. Pp. 465–499.

26. Dmitry Grigorenko, within the framework of the SPIEF-2021 session, spoke about what a client-oriented state should be // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/news/42408/> (access date: December 15, 2021).

УДК/UDC 343.3/.7

Корпоративный конфликт как обстановка совершения преступлений в сфере экономической деятельности

Кириллова Яна Максимовна

кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: yana.lawyer@mail.ru

SPIN-код: 3003-8601

Аннотация

Уровень конфликтности деловой среды в настоящее время довольно высокий. Экспертами прогнозируется дальнейший рост количества судебных дел о рассмотрении корпоративных споров. В научной литературе уже сложилось понятие корпоративного конфликта, данное правовое явление стало предметом многих диссертационных исследований. В последние годы распространены случаи привлечения участников корпоративных споров к уголовной ответственности за совершение экономических преступлений. В настоящей статье изучается понятие корпоративного конфликта, а также составы преступлений, часто совершаемые участниками подобных конфликтов. Предметом исследования стали монографии, научные статьи, диссертации по исследуемому вопросу, актуальная судебная практика и статистика. Автором сделаны значимые выводы о том, что корпоративный конфликт является новой для уголовного права обстановкой совершения преступления.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, уголовное право, преступления в сфере экономической деятельности, фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета.

Corporate conflict as a situation of committing crimes in the sphere of economic activity

Kirillova Yana Maksimovna

Candidate of Law, assistant of the Department of Criminal Law

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

e-mail:yana.lawyer@mail.ru

SPIN Code: 3003-8601

Abstract

The level of conflict in the business environment is currently quite high. Experts predict a further increase in the number of court cases on consideration of corporate disputes. In the scientific literature, the concept of corporate conflict has already developed, this legal phenomenon has become the subject of many dissertation research. In recent years, there have been cases of criminal proceedings against participants in corporate disputes for committing economic crimes. This article examines the concept of corporate conflict, as well as the offenses often committed by participants in such conflicts. The subject of the research was monographs, scientific articles, dissertations on the issue under study, current judicial practice and statistics. The author draws significant conclusions that a corporate conflict is a new environment for the commission of a crime in criminal law.

Key words: corporate conflict, criminal law, crimes in the sphere of economic activity, falsification of the unified state register of legal entities, the register of owners of securities or the depository accounting system.

В научной литературе существуют разные точки зрения относительно определения корпоративного конфликта. Например, А. А. Данильян в своем диссертационном исследовании предлагает определить корпоративный конфликт как спор между участниками корпорации либо между участником/участниками корпорации и корпорацией, объектом которого являются корпоративные правоотношения, а также иные правоотношения, связанные с деятельностью корпорации либо с требованиями, предъявляемыми в интересах корпорации, а также спор между

участником/участниками корпорации или корпорацией с одной стороны и иными лицами (исполнительные органы корпорации, держатель реестра владельцев ценных бумаг, депозитарий, внешний инвестор) с другой стороны, если он затрагивает или может затронуть отношения внутри корпорации, обусловленный противоположными целями и интересами сторон конфликта в связи с желанием контролировать и направлять поведение другой стороны либо изменить свой статус и юридическое состояние [1]. Похожей точки зрения придерживается А. Р. Андреева, указывая, что корпоративный конфликт представляет собой разногласие (спор) между различными участниками корпоративных правоотношений в акционерном обществе, преследующими разнонаправленные или противоположные интересы, которое может повлечь неблагоприятные последствия как для самого акционерного общества, органов его корпоративного управления, так и для конкретных субъектов корпоративного конфликта [2].

В своей статье, посвященной соотношению понятий «корпоративный спор», «корпоративный конфликт», «корпоративное правоотношение», К. В. Нефедова отмечает, что легальное определение дается только понятию «корпоративный спор». В ст. 225.1. Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации таковым признается спор, связанный с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей. При этом К. В. Нефедова дает свое понятие корпоративного конфликта, признавая таковым любое противоречие субъектов корпоративных правоотношений, в т. ч. между акционерами и участниками общества, между хозяйствующими субъектами или внутри хозяйствующего субъекта [3].

Анализ судебной практики и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что экономические преступления, совершаемые участниками корпоративных конфликтов, можно разделить на две группы: преступления против собственности (в основном мошенничество (ст. 159

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ)), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ)) и преступления в сфере экономической деятельности (ч. 1 ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета» и ст. 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» УК РФ).

Статистику преступлений против собственности, совершаемых в условиях корпоративного конфликта, достаточно сложно выделить, в то время как судебная статистика по преступлениям в сфере экономической деятельности доступна к анализу. Согласно данным судебной статистики, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, в 2017 г. осуждено 78 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 68 человек; за 2018 г. число осужденных составляет 51 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 44 подсудимых; за 2019 г. число осужденных составляет 32 человека, уголовное дело прекращено в отношении 65 подсудимых; за 2020 г. число осужденных составляет 40 человек, уголовное дело прекращено в отношении 94 подсудимых [4]. За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, за 2017 г. осуждено 3 человека, уголовное преследование прекращено в отношении 3 подсудимых; за 2018 г. осуждено 5 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 6 подсудимых; за 2019 г. осуждено 2 человека, уголовное преследование прекращено в отношении 4 подсудимых; за 2020 г. осуждено 0, уголовное преследование прекращено в отношении 2 подсудимых [4].

Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой тяжести. При условии совершения впервые данных преступлений и позитивном постпреступном поведении велика вероятность, что подсудимый может быть освобожден от уголовной ответственности. Количество преступлений, совершенных по составу, предусмотренному ч. 1 ст. 170.1 УК РФ,

действительно возросло, как показывает судебная статистика. Вместе с тем возросло и количество лиц, в отношении которых уголовное преследование по данному составу преступления прекращено.

В научной литературе было высказано мнение, что совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, это приготовление к совершению хищения в форме мошенничества [5]. С такой точкой зрения отчасти можно согласиться. Судебная практика демонстрирует две распространенные ситуации, когда совершается данное преступление: 1) в случае наличия корпоративного конфликта и желания восстановить (защитить) свои права или «захватить» управление в хозяйственном обществе; 2) в случае наличия прямого умысла на последующее хищение имущества. Очевидно, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, не охватывает составы совершаемых впоследствии хищений, требуется квалификация по совокупности, что является распространенной ситуацией на практике [6; 7].

В отдельных приговорах судов общей юрисдикции есть упоминание о корпоративном конфликте при рассмотрении уголовного дела по данному составу. Например, в апелляционном постановлении Верховного Суда Республики Крым по делу № 22-2200/2020 отражено, что обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, обжалуя постановление о возбуждении уголовного дела, в обоснование своих действий, *которые она полагает законными, указала на наличие корпоративного конфликта*. В частности, «подача заявления о внесении изменений в сведения о юридическом лице была связана только с необходимостью подачи обществом отчетности в надзорные и контролирующие органы по причине смерти генерального директора гражданина А, а гражданин Б, владеющий 50% доли в уставном капитале, выразил недоверие доверительному управляющему и отказался созывать общее собрание участников для избрания нового генерального директора [8]. Верховный Суд Республики Крым, в свою очередь, оставил в силе постановление нижестоящего суда об отказе в удовлетворении жалобы обвиняемой.

Приведенный пример — не единственный случай в судебной практике, когда участники корпоративного конфликта совершают преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, считая при этом, что действуют с целью защиты своих корпоративных прав и права на управление хозяйственным обществом [9; 10].

И распространенность таких случаев на практике приводит к выводу о том, что корпоративный конфликт является особой обстановкой, в которой совершаются некоторые преступления в сфере экономической деятельности. По мнению представителей науки уголовного права, обстановка совершения преступления в криминологическом аспекте может включать в себя: преступность, совокупность преступников, причины и условия совершения преступлений, криминологическую профилактику, пространственно-временные границы, территориальные различия, состояние, структуру, динамику преступности [11].

В качестве элементов обстановки совершения преступления Н. П. Яблоков рассматривает следующие факторы: временные; пространственно-конструктивные; вещественные; природно-климатические; физико-химические; производственно-бытовые; поведенческо-психологические [12].

Особенно актуально сегодня звучит мнение В. Н. Кудрявцева о том, что обстановка совершения преступления охватывает более широкий круг явлений, чем физические условия, в которых действует преступник, и включает в себя также общую историческую и социально-политическую обстановку и конкретные условия жизни и деятельности коллектива, в котором совершено преступление [13].

Представляется интересным определение, данное Х. А. Мусаемым в своей статье, где под обстановкой преступления понимается система взаимодействующих элементов, проистекающих в определенных пространственно-временных условиях, в которых совершается преступление [14]. По мнению ученого, эта система может влиять на степень общественной опасности деяния. Полагаем, что обстановка совершения преступления может влиять и на степень общественной опасности лич-

ности преступника, например преступления, совершенные по мотиву сострадания, свидетельствуют о меньшей общественной опасности личности преступника, что учтено законодателем в перечне обстоятельств, смягчающих наказание.

Обстановка преступления может быть указана и в качестве обязательного признака преступления и в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «д» ч. 2 ст. 61 УК РФ). При этом важной характеристикой обстановки совершения преступления является ее способность оказывать влияние на общественную опасность лица и (или) совершенного им преступления.

На основе анализа подходов ученых к понятию обстановки совершения преступления допускаем, что некоторые руководители и учредители организаций, которые совершают вышеуказанные преступления в сфере экономической деятельности в обстановке корпоративного конфликта, преследуют цель защиты своего бизнеса и недопущения наступления неблагоприятных последствий как для самого бизнеса, так и для сотрудников организации. Иногда учредители организаций, совершая преступление, спасают бизнес от преднамеренного банкротства в случаях, когда руководитель организации или иной участник организации оформляет крупные кредиты на организацию или заключает заведомо невыгодные сделки, сделки с заинтересованностью, а также иным образом подрывает финансовое состояние организации.

И в этом смысле такое лицо является менее общественно опасным, поскольку преследует социально полезные цели. Если согласиться с такой логикой, то суд при назначении наказания такому лицу должен учитывать обстановку корпоративного конфликта как обстоятельство, смягчающее наказание (перечень в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ является открытым), или как обстоятельство, принимаемое во внимание при решении вопроса об индивидуализации наказания при учете характеристик личности преступника.

Понятие смягчающих обстоятельств отсутствует в уголовном законе, но важность этот института сложно переоценить: неспроста пе-

речень остается открытым, и в уголовном законе существуют отдельные статьи, посвященные правилам назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств. Такие обстоятельства входят в предмет доказывания, суды должны обосновывать в описательно-мотивировочной части приговора, как и почему те или иные обстоятельства, имеющие фактический характер, учитываются судом в качестве смягчающих. Некоторые приговоры, изученные в процессе настоящего исследования, содержали ссылку на дела, рассмотренные арбитражными судами, где были установлен факт наличия корпоративного спора (конфликта) между участниками по уголовному делу. Думается, что признание обстановки корпоративного конфликта как смягчающего обстоятельства должно происходить с учетом того, что арбитражным судом установлено наличие корпоративного спора (конфликта). В то же время отсутствие такого решения арбитражного суда не мешает суду при рассмотрении уголовного дела и назначении наказания учитывать цели подсудимого в обстановке корпоративного конфликта как характеристику личности преступника и индивидуализировать наказание.

Учитывая, что количество корпоративных конфликтов будет нарастать, и, как показывает судебная статистика, количество преступлений в сфере экономической деятельности тоже, неизбежно встанет вопрос об учете особой обстановки совершения преступления социально-полезные цели в условиях корпоративного конфликта [15; 16].

Важно при установлении факта совершения преступления в обстановке корпоративного конфликта учесть следующие обстоятельства:

- 1) обвиняемый способствовал созданию такой обстановки или нет, какими причинами вызван корпоративный конфликт;
- 2) заинтересован ли обвиняемый в корпоративном конфликте;
- 3) была ли обстановка использована им при совершении преступления;
- 4) какие цели преследовал обвиняемый, когда совершал преступление;

- 5) что в обстановке корпоративного конфликта было специально создано обвиняемым и насколько от него зависело создание такой обстановки.

Подробное выяснение данных обстоятельств позволит судам делать вывод, заслуживает ли наказание (если оно будет назначено) смягчения, а также учитывать личность преступника и выбирать соответствующую меру уголовно-правового воздействия.

Таким образом, корпоративные конфликты стали чаще переходить в сферу уголовного права. Злоупотребления со стороны учредителей и директоров совершаются в основном с корыстной целью, реже — с целью восстановить свои права или вернуть возможность управления обществом. Судебная практика идет по единому пути — наличие корпоративного конфликта не оправдывает совершение преступлений, не смягчает наказание за его совершение.

Между тем мотивы и цели совершения некоторых преступлений в сфере экономической деятельности (чаще всего предусмотренных ст. 170.1 УК РФ) в обстановке корпоративного конфликта могут свидетельствовать о пониженной общественной опасности личности преступника. Так, например, если преступление совершается с целью сохранить организацию или с целью недопущения утраты управления бизнесом, то в обстановке корпоративного конфликта, созданного не самим обвиняемым, это может являться смягчающим обстоятельством или обстоятельством, подлежащим учету как характеристика личности преступника при индивидуализации наказания.

Список литературы:

1. Данельян А. А. Корпорация и корпоративные конфликты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. 28 с. С. 9.
2. Андреева А. Р. Правовое регулирование корпоративных конфликтов по законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... на канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с. С. 10.

3. Нефедова К. В. О соотношении понятий «корпоративный спор», «корпоративный конфликт», «корпоративное правоотношение» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17 (372). С. 103–107.
4. Статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 27.04.2021).
5. Крылова Н. Е., Леонтьев Б. М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг и системы депозитарного учета (ст. 170¹ УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 1. С. 21–32.
6. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по делу № 3/14-18/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2021).
7. Апелляционное постановление Магаданского областного суда по делу № 3/1-21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2021).
8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым по делу № 22-2200/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2021).
9. Апелляционное постановление Магаданского областного суда по делу № 22К-104/2020 от 28.02.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2021).
10. Постановление Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края № 10-37/2017 от 14.06.2017 по делу № 10-37/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2021).
11. Евдокимов С. Г. Обстановка совершения хищения. Учебное пособие. СПб., 1998. 26 с.
12. Криминалистика / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М., 1996. 781 с.
13. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с. С. 23.
14. Мусаев Х. А. Обстановка совершения преступления в российском уголовном праве // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 106–109.
15. Аналитики заявили о вероятном росте числа корпоративных конфликтов // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/222635/> (дата обращения 27.04.2021).
16. Эксперты зафиксировали рост бизнес-конфликтов в России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/03/2021/6048feeb9a79475abf43a803> (дата обращения 27.04.2021).

References:

1. Danelian A. A. Corporation and corporate conflicts: thesis abstract for the degree of candidate of legal sciences. M., 2006. 28 p. P. 9.
2. Andreeva A. R. Legal regulation of corporate conflicts under the legislation of the Russian Federation: author. diss. ... to Cand. legal sciences. M., 2011. 29 p. P. 10.
3. Nefedova K. V. On the relationship between the concepts of "corporate dispute" "corporate conflict" "corporate legal relationship" // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Right. 2015. No. 17 (372). Pp. 103–107.
4. Statistics // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (access date: July 24, 2021).
5. Krylova N. E., Leontiev B. M. Some issues of criminal liability for falsification of the unified state register of legal entities, the register of securities owners and the depository accounting system (Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. 2013. No. 1. Pp. 21–32.
6. The appeal decision of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra court in case No. 3 / 14-18 / 2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: May 27, 2021).
7. The appeal decision of the Magadan Regional Court in case No. 3 / 1-21 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: April 27, 2021).
8. The appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Crimea in case No. 22-2200 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: April 27, 2021).
9. The appeal decision of the Magadan Regional Court in case No. 22K-104/2020 dated 02.28.2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: April 27, 2021).
10. Resolution of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory No. 10-37 / 2017 dated June 14, 2017 in case No. 10-37 / 2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: April 27, 2021).
11. Evdokimov S. G. The setting of the theft. Tutorial. SPb., 1998. 26 p.
12. Criminalistics / Responsible. ed. N.P. Yablokov. – M., 1996. 781 p.
13. Kudryavtsev V. N. The objective side of the crime. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 244 p. P. 23.
14. Musaev Kh. A. The situation of committing a crime in Russian criminal law // Legal Science. 2013. No. 3. Pp. 106–109.

15. Analysts announced a likely increase in the number of corporate conflicts // Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/222635/> (access date: April 27, 2021).

16. Experts have recorded the growth of business conflicts in Russia // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/03/2021/6048feeb9a79475abf43a803> (access date: April 27, 2021).

УДК/UDC 343.9

Подходы к совершенствованию уголовного законодательства в аспекте расследования преступлений против личности в условиях боевых действий

Кочерга Инна Ивановна

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел

Академия Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики им. Ф. Э. Дзержинского

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

e-mail:Kochergainna1986@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются вопросы совершенствования уголовного законодательства и уголовного процесса при расследовании преступлений против личности в условиях боевых действий в связи с действием особых правовых режимов. Анализируются мнения ученых, исследующих аспекты действия права в условиях, отличных от мирного времени. Отмечается, что, несмотря на полноту теоретических представлений, значительный объем вопросов остается неразрешенным, среди которых целесообразность установления особого порядка производства по уголовным делам в период действия особых режимов, определение подходов к регламентации его формы, необходимость совершенствования процессуального порядка проведения следственных действий и принятия процессуальных решений. Формулируются требования к модели уголовного законодательства, действующей в условиях особого режима, предусматривающие недопустимость снижения действия принципов, учет условий вводимых мер особого режима, введение дополнительных гарантий и минимизацию вмешательств в объем процессуального статуса участников.

Ключевые слова: особый правовой режим, военное положение, ускоренное производство, меры особого правового режима, расследование в условиях боевых действий.

Approaches to improving the criminal legislation in aspect of investigating crimes against the person in the conditions of hostilities

Kocherga Inna Ivanovna

lecturer of the Department of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies

F. E. Dzerzhinsky Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Donetsk People's Republic

Donetsk, Donetsk People's Republic

e-mail:Kochergainna1986@mail.ru

Abstract

This article examines the issues of improving the criminal legislation and criminal procedure in the investigation of crimes against the person in the conditions of hostilities in connection with the operation of special legal regimes. The opinions of scholars investigating aspects of the operation of law in conditions other than peacetime are analyzed. It is noted that, despite the completeness of theoretical concepts, a significant amount of issues remains unresolved, including the expediency of establishing a special procedure for criminal proceedings during the period of special regimes, determining approaches to regulating its form, the need to improve the procedural procedure for conducting investigative actions and making procedural decisions ... Requirements are formulated for a model of criminal legislation operating in a special regime, providing for the inadmissibility of reducing the effect of principles, taking into account the conditions of the introduced special regime measures, introducing additional guarantees and minimizing interference in the scope of the procedural status of participants.

Key words: special legal regime, martial law, expedited proceedings, measures of special legal regime, investigation in the conditions of military operations.

Военное положение в Донецкой Народной Республике (далее по тексту — ДНР), объявленное в 2014 г., повлияло фактически на все правовые области. Праворегулирование в условиях боевых действий не может осуществляться в форме, которая присуща мирному времени. Однако кризисные условия не позволяют допускать исключение или сни-

жение действия права на происходящие отношения, а наоборот, требуют доведения его эффективности до необходимого и достаточного в соответствии со сложившимся укладом социальной жизни и целями вооруженной борьбы. Совершение преступлений против личности при осуществлении боевых действий является распространенным явлением, расследование таких преступлений, исходя из кризисных условий, представляется крайне сложной задачей, а зачастую неосуществимой на определенных этапах вооруженного противостояния.

Уголовное судопроизводство не учитывает в процессуальных средствах указанные условия и от органов, ведущих уголовное расследование, безальтернативно требует достижения задач в виде охраны прав и законных интересов физических и юридических лиц, участвующих в нем, а также быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к ответственности и ни один невиновный не был наказан. Достижение указанных задач судопроизводства возможно только при наличии надлежащих правовых механизмов, которые позволят эффективно провести расследование преступлений в условиях боевых действий.

В ДНР действует Закон «Об особых правовых режимах», предусматривающий возможность ограничения конституционных прав и свобод граждан, в т. ч. и при объявленном военном положении. Указанный закон определяет соответствующие меры, которые могут применяться при чрезвычайных обстоятельствах, однако мер, направленных на обеспечение эффективности уголовной и уголовно-процессуальной деятельности в боевых условиях, за исключением отдельных положений, имеющих связь с первоначальным этапом расследования преступлений, не предусмотрено. Изложенные недостатки уголовного-правового законодательства, по нашему мнению, представляют высокую актуальность на современном этапе развития ДНР и должны быть подвержены теоретическому исследованию с последующим внедрением результатов в практическую область.

В последнее время в научных работах немало внимания уделяется правовым режимам, которые обеспечивают надлежащее действие права в условиях, отличных от мирного времени. Теоретические исследования в данной области осуществлялись такими учеными, как Е. Ю. Архипова [1, с. 125], А. П. Лиманская [2], Д. Е. Петров [3, с. 215], Т. Н. Шмидт [4] и др. В соотношении с расследованием преступлений исследование сущности действия особых режимов, в т. ч. и режима, введенного в связи с обстоятельствами военного характера, производилось в работах В. В. Барбина [5], В. Н. Григорьева [6], Р. В. Кулешова [7, с. 264], С. А. Кучерука [8, с. 174], Р. А. Максимова [9, с. 97], С. В. Маликова [10, с. 77], А. А. Фомина [11, с. 48] и др.

Исследования вышеуказанных ученых в полной мере сформировали теорию расследования преступлений в различных правовых режимах, которая охватывает деяния, совершенные против личности в условиях боевых действий. Несмотря на полноту теоретических представлений, значительный объем вопросов остается неразрешенным. Так, необходимо исследовать целесообразность установления особого порядка производства по уголовным делам в период действия особых режимов, определить подходы к регламентации его формы, совершенствовать процессуальный порядок проведения следственных действий и принятия процессуальных решений. Дополнительным обстоятельством следует признать важность исследования вышеизложенных направлений в контексте законодательства ДНР и фактической обстановки, которая присуща текущему этапу становления.

Целью настоящего исследования является определение подхода к совершенствованию уголовно-процессуального законодательства ДНР и разработка требований, предъявляемых как к порядку уголовного судопроизводства в целом, так и к отдельным процессуальным действиям, осуществляемым при расследовании преступлений против личности в условиях боевых действий.

В ДНР в соответствии с Постановлением Совета Министров ДНР от 25 мая 2014 г. № 6-5 «О введении на территории Донецкой Народной

Республики военного положения» было объявлено военное положение. Оставляя за пределами настоящего исследования правовые вопросы относительно порядка его введения, обратим внимание на то, что правовой статус указанного положения в настоящее время регулируется Законом ДНР «Об особых правовых режимах», который предполагает введение комплекса мер, направленных на ограничение конституционных прав и свобод граждан в целях, указанных в ч. 2 ст. 48 Конституции ДНР. В ч. 5 ст. 1 Закона ДНР «Об особых правовых режимах» конституционные цели несколько конкретизированы и сведены к созданию необходимых условий для неотложного применения комплекса действенных мер политического, экономического, военного и иного характера, направленного на устранение чрезвычайных обстоятельств, послуживших основанием для их введения.

Среди мер военного положения, определенных в ст. 30 Закона ДНР «Об особых правовых режимах», непосредственное отношение к уголовному процессу имеет только пункт, предусматривающий такие меры, как комендантский час, досмотр и задержание граждан и других лиц по установленным законодательством ДНР основаниям сроком до 30 суток. Остальные меры имеют иной характер, связанный с обеспечением общественной безопасности и эффективностью противодействия военной угрозе.

В научных кругах неоднократно обсуждался вопрос о необходимости дополнения указанных мер специальными уголовно-процессуальными механизмами, образующими, по сути, особую форму уголовного судопроизводства в военных условиях. Большинство дискуссий сводилось к обсуждению необходимости применения упрощенного порядка судопроизводства в условиях военного положения. Указанный вопрос является достаточно сложным: если допустить введение упрощенного судопроизводства в условиях военного положения, механизм его осуществления требует глубоких теоретических разработок.

С. В. Маликов, рассуждая о видах особых режимов, высказывает мнение о необходимости постепенного упрощения уголовных проце-

дур при переходе от «общего» режима к последующим, более приближенным к боевым действиям. При этом переходе, как верно отмечает ученый, должны вводиться дополнительные блоки процессуальных гарантий [10, с. 85]. Более категорично к вопросу упрощения уголовных и иных процедур подходит Р. В. Кулешов. Исследователь применимо к режиму контртеррористической операции считает нерациональным принятие на законодательном уровне и реализацию особых процессуальных режимов, сущностью которых является максимальная интеграция оперативно-разыскной, административно-правовой и следственной деятельности, прямое признание фактических материалов, обнаруженных в ходе контртеррористических операций, доказательствами по уголовному делу без проведения процедуры определения их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам, поскольку, как считает ученый, это способно повлечь серьезные нарушения гарантий защиты прав и законных интересов людей [7, с. 268]. На основе анализа советского опыта судебных репрессий 1920-х гг. суждения о недопустимости упрощенных процедур, внедрения в правосудие чрезвычайных судов высказывают А. А. Фомин [11, с. 141] и А. А. Желтухин [12, с. 10].

Изложенные точки зрения о нежелательности упрощения уголовного судопроизводства не носят категоричного характера. Основной целью, которую преследуют ученые, является недопущение снижения качественных характеристик раскрытия и расследования преступлений, уровня достоверности доказательств, получаемых при проведении следственных действий в кризисных обстоятельствах, гарантированность соблюдения конституционных прав и свобод личности и реализация иных составляющих правового статуса. Исходя из указанного, следует подчеркнуть рациональность позиции В. Н. Григорьева о том, что правовое обеспечение в чрезвычайных условиях предполагает прежде всего адекватное разрешение с учетом имеющегося мирового опыта проблем, возникающих при применении в чрезвычайных условиях обычного порядка расследования. Ученый, рассуждая по поводу нецелесообразности установления особых форм следственной деятельности, настаивает на

необходимости некоторых изменений и дополнений отдельных элементов существующего порядка расследования, не затрагивающих его основ, но учитывающих чрезвычайные условия деятельности [6, с. 331]. Позицию минимального вмешательства в уголовные процедуры В. Н. Григорьев аргументирует дополнительно тем, что введение особого правового режима, по существу, способствует и проведению надлежащего расследования путем использования возможностей определенных мер военного положения [6, с. 331]. Подобные суждения встречаются и в работе С. В. Маликова, который полагает, что в условиях чрезвычайного или военного положения следователи получают дополнительные возможности для привлечения необходимых сил и средств, проведения широкомасштабных операций. Различные ограничения, налагаемые на граждан, упрощают их поиск и вызов для проведения следственных действий. Комендантский час, по мнению ученого, позволяет беспрепятственно проводить следственные эксперименты, проверки показаний на месте и другие следственные действия на местности, не опасаясь противодействия местного населения, столкновений и других эксцессов, что позволяет следователю с введением чрезвычайного или военного положения успешнее преодолевать многочисленные сложности, вызванные боевой обстановкой в районах вооруженного конфликта [10, с. 87].

Анализ вышеизложенных позиций ученых позволяет сформулировать по сути общие требования и их зависимости от определенных условий, которые должны предъявляться к концепту модели уголовно-правового законодательства, способной эффективно действовать в условиях особых правовых режимов.

Следующей важной составляющей настоящего исследования является определение подхода в части разработки отдельной меры военного положения или дополнения необходимыми элементами процессуальных правил, установленных Уголовно-процессуальным кодексом ДНР (далее по тексту — УПК ДНР). Для разрешения указанного вопроса, по нашему мнению, следует обратиться к целевым составляющим действия особых режимов и осуществления уголовного судопроизводства.

В. В. Барбин считает, что применение особого правового режима происходит в тех случаях, когда обычных мер для устранения последствий возникшей чрезвычайной ситуации криминогенного или природнотехногенного и экологического характера либо для отражения непосредственной угрозы суверенитету, территориальной целостности государства оказывается недостаточно [5, с. 26]. Н. Р. Бессараб выделяет две взаимосвязанные задачи особого режима: устранить чрезвычайную ситуацию и ее последствия и обеспечить правовой режим, при котором бы не использовались конституционные права в ущерб действующему законодательству и правопорядку [13, с. 148]. Е. Ю. Архипова обращает внимание на то, что указанные режимы направлены на стабилизацию общественной жизни путем целенаправленного правового воздействия и способны быстро реагировать на отклонения от стандартной ситуации в целях наиболее эффективного правового регулирования [1, с. 128].

Указанные позиции, а также вышеизложенные целевые положения Закона ДНР «Об особых правовых режимах» позволяют обозначить приоритетной целью действия особого режима устранение обстоятельств, послуживших основаниями для его возникновения. Среди мер особых правовых режимов, которые устанавливаются указанным нормативным правовым актом, отсутствуют те, которые бы определили масштабные особые процедуры в иных отраслях права, исключили бы какие-либо правовые элементы из них в период действия, например, военного положения. Упомянутые меры, по нашему мнению, носят узкий характер воздействия, направлены на достижение целей действия особого правового режима, что указывает на нецелесообразность установления особенностей уголовно-процессуальных процедур путем их регламентации в форме меры особого режима.

УПК ДНР, напротив, имеет своим назначением определение порядка производства по уголовным делам. Задачи, перечисленные в ст. 2 УПК ДНР, направлены на обеспечение качественного уровня уголовного судопроизводства, что указывает на необходимость теоретических разра-

боток и внесения изменений, способствующих расследованию в условиях боевых действий, именно в указанный нормативный акт.

При разработке модели уголовно-правового законодательства, которая способна эффективно действовать в условиях особых правовых режимов, по нашему мнению, должны быть учтены следующие условия:

1. Сущность вводимых мер, которые направлены на обеспечение особого режима, их воздействие на фактические условия, в которых предполагается проведение следственных действий. В зависимости от объема вводимых мер, на наш взгляд, возможно инициирование вопроса о создании вариативной модели задеирования дополнительных процессуальных средств.
2. При упрощении процессуального порядка проведения, например следственного действия, необходимость определения дополнительных процедурных гарантий, направленных на компенсацию такого упрощения и обусловленных фактическими обстоятельствами, в т. ч. требованиями безопасности участников процесса. Указанный подход может проявляться, в частности, в замене обязательного участия понятых или протокольного фиксирования использованием непрерывной видеосъемки процессуального действия.
3. Недопустимость снижения действенности принципов уголовного законодательства, изменения базовой структуры отдельных процессуальных порядков, например в порядке доказывания, движения дела от стадии к стадии. В случае вмешательства в отдельные порядки необходима проработка компенсации исключаемых элементов. Например, при отказе от санкции прокурора перед производством обыска представляется целесообразным предусмотреть постсанкционирование с последующим признанием полученных фактических данных допустимыми доказательствами.

4. Минимальное вмешательство в правовой статус участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

В дальнейших исследованиях необходимо изучить отдельные следственные действия, порядки принятия процессуальных решений в целях формирования эффективной уголовно-правового законодательства расследования указанных преступлений с учетом требований сформулированных в настоящей работе.

Список литературы:

1. Архипова Е. Ю. Неюрисдикционный процесс как объект теоретико-правового исследования: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 200 с.
2. Лиманская А. П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ: дисс. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 186 с.
3. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 505 с.
4. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014. 191 с.
5. Барбин В. В. Особые конституционно-правовые режимы: возникновение и закрепление в законодательстве различных государств мира // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 22–27.
6. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330–333.
7. Кулешов Р. В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 545 с.
8. Кучерук С. А. Тактика и взаимодействие органов следствия и дознания как основа деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в особо сложных условиях: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 218 с.
9. Максимов Р. А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях (общетеоретический аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2014. 207 с.
10. Маликов С. В. Военно-полевая криминалистика. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». М.: «За права военнослужащих», 2008. Вып. 86. 512 с.
11. Фомин А. А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 204 с.

12. Желтухин А. А. О карательной политике СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 9–13.

13. Бессараб Н. Р. Изоляция личности как правовая категория: дисс. канд. ... юрид. наук. Коломна, 2005. 190 с.

References:

1. Arkhipova E. Yu. Non-jurisdictional process as an object of theoretical and legal research: diss. ... Cand. legal sciences. Saratov, 2017. 200 p.

2. Limanskaya A. P. Special legal regimes: general theoretical analysis: diss. Cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2014. 186 p.

3. Petrov D. E. Differentiation and Integration of Structural Formations of the System of Russian Law: Diss. ... Dr. legal sciences. Saratov, 2015. 505 p.

4. Schmidt T. N. Emergency legal regulation: general theoretical research: diss. ... Cand. legal sciences. Barnaul, 2014. 191 p.

5. Barbin V. V. Special constitutional and legal regimes: the emergence and consolidation in the legislation of various states of the world // Man: crime and punishment. 2015. No. 4. Pp. 22–27.

6. Grigoriev V. N. The structure of the theory of investigation of crimes in emergency conditions // Gaps in Russian legislation. 2008. No. 2. Pp. 330–333.

7. Kuleshov R. V. Theoretical and methodological foundations for disclosing and investigating crimes in the field of extremist and terrorist activities: diss. ... Dr. legal sciences. Rostov-on-Don, 2017. 545 p.

8. Kucheruk S. A. Tactics and interaction of the investigation and inquiry bodies as the basis of activities in the disclosure and investigation of crimes in especially difficult conditions: diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2002. 218 p.

9. Maksimov R. A. The mechanism of action of law in emergency situations (general theoretical aspect): diss. ... Cand. legal sciences. Penza, 2014. 207 p.

10. Malikov S. V. Military field forensics. Series "Law in the Armed Forces — Consultant". М.: "For the rights of military personnel 2008. Issue. 86. 512 p.

11. Fomin A. A. Emergency legislation in the Russian state: diss. ... Cand. legal sciences. Saratov, 2001. 204 p.

12. Zheltukhin A. A. On the punitive policy of the USSR during the Great Patriotic War // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. No. 2 (5). Pp. 9–13.

13. Bessarab N. R. Isolation of personality as a legal category: diss. Cand. ... legal sciences. Kolomna, 2005. 190 p.

УДК/UDC 343.1; 343.01

Внедрение медиации в механизме уголовной политики Республики Беларусь

Петрова Ольга Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и
прокурорского надзора

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail:machkova@bsu.by

SPIN-код: 7968-0461

Аннотация

В работе рассматривается проблема внедрения в Республике Беларусь медиации и других примирительных процедур через призму уголовной политики. Описывается история развития примирительных процедур в Республике Беларусь в целом. Отмечаются новеллы законодательного закрепления медиации в уголовном процессе, приводится история обсуждения изменений закона. Указывается на опыт пилотных проектов внедрения восстановительной медиации учебно-практическим учреждением «Центр “Медиация и право”» в г. Минске, Барановичи, Солигорске. Обращается внимание на необходимость переосмысления принципа неотвратимости ответственности и принципа публичности. Также в работе указывается на значимость институтов гражданского общества во внедрении восстановительной медиации. Отмечается отсутствие развитой инфраструктуры в Республике Беларусь для функционирования восстановительного правосудия как эффективной системы. В работе показана необходимость решения проблемы финансирования восстановительной медиации, в частности через государственно-частное партнерство. Указывается на необходимость обеспечить доступность медиации для широкого круга участников процесса, в т. ч. и уязвимых слоев, что является залогом решения с помощью медиации проблем противодействия преступности. Приводится пример ограничений в применении примирительных процедур, отмечается необходимость следования требованию медиабельности.

Ключевые слова: уголовная политика, примирение, уголовный процесс Республики Беларусь, восстановительное правосудие, восстановительная медиация, пробация.

Implementation of Mediation in the mechanism of criminal policy of the Republic of Belarus

Petrova Olga Valentinovna

Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Criminal Procedure and Directorate of Public Prosecution

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

e-mail:machkova@bsu.by

SPIN Code: 7968-0461

Abstract

The paper examines the problem of introducing mediation and other conciliation procedures in the Republic of Belarus through the prism of criminal policy. The history of the development of conciliation procedures in the Republic of Belarus as a whole is described. The novelties of legislative consolidation of mediation in the criminal process are noted, the history of discussion of amendments to the law is given. The experience of pilot projects for the implementation of restorative mediation by the educational and practical institution "Center"Mediation and Law in Minsk, Baranovichi, Soligorsk is pointed out. Attention is drawn to the need to rethink the principle of inevitability of responsibility and the principle of publicity. The paper also points out the importance of civil society institutions in the implementation of restorative mediation. The absence of a developed infrastructure in the Republic of Belarus for the functioning of restorative justice as an effective system is noted. The paper shows the need to solve the problem of financing restorative mediation, in particular through public-private partnerships. The need to ensure the availability of mediation for a wide range of participants in the process, including vulnerable groups, which is the key to solving the problems of combating crime through mediation. An example of restrictions in the use of conciliation procedures is given, the need to follow the requirement of media ability is noted.

Key words: criminal policy, reconciliation, criminal procedure of the Republic of Belarus, restorative justice, victim-offender mediation, probation.

Правосудие как окончательное разрешение споров является важнейшей функцией судебной власти и государства в целом. Эффективное отправление правосудия позволяет реализовать право граждан на су-

дебную защиту (ст. 60 Конституции Республики Беларусь), обеспечить приоритет прав и свобод личности, законность и правопорядок в обществе. Правосудие как форма разрешения конфликтов отличается разработанной процедурой обеспечения доступа к ее механизмам гражданам, а также системой процессуальных гарантий, что предусмотрено законом в ходе его отправления, в т. ч. и правом на обжалование итогового решения. Однако такие механизмы имеют свои недостатки, в числе которых высокая стоимость, долгосрочность и низкая эффективность в решении социальных проблем.

Наряду с совершенствованием юрисдикционной деятельности судов мировой тенденцией является развитие альтернативных способов разрешения споров и конфликтов, которые способствуют не только восстановлению справедливости, но и диалогу и примирению в обществе. Такими процедурами являются медиация и иные восстановительные практики (восстановительная медиация, семейная конференция и т. д.)

В Республике Беларусь примирительные технологии традиционно для постсоветских стран начали свое развитие в сфере хозяйственно-экономических споров и конфликтов, а затем уже стали применяться в гражданско-правовых и семейных спорах. Именно в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь в 2004 г. впервые был закреплен порядок регулирования споров в порядке посредничества. Важным этапом развития медиации стало принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее по тексту — Закон о медиации) [1]. В настоящее время в реестре медиаторов, формируемом Министерством юстиции, уже числится 991 медиатор, что свидетельствует о развитости предложения по альтернативному урегулированию споров и конфликтов, и в рамках частноправовой сферы такие процедуры достаточно успешно развиваются.

Вместе с тем уголовно-правовая сфера остается весьма консервативной в развитии новых технологий и трансформации государственной политики. Указанный выше Закон о медиации не распространяет свое действие на сферу уголовно-правовых конфликтов (ст. 2). Внедрение ме-

диации в уголовном процессе требовало самостоятельного закрепления в законе, хотя ее применение в указанных целях не противоречит нормам права.

Восстановительное правосудие и медиация по уголовным делам активно обсуждались в научной литературе [2; 3]. В целом идея восстановительного правосудия достаточно позитивно воспринимается учеными-теоретиками и правоприменителями.

Концептуальное принятие восстановительных технологий предсказуемо. Во-первых, их применение приносит пользу как гражданам, вовлеченным в конфликт, так и обществу и государству в целом. Во-вторых, внедрение восстановительных процедур не вызывает споров в связи с тем, что в целом не затрагивает проблем реализации наиболее острого вопроса — процессуальных гарантий и основано на согласии лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование. Заметим, что вопрос соблюдения процессуальных гарантий при применении программ восстановительного правосудия все же требует безусловной проработки. Именно в этом направлении должно быть обеспечено законодательное регулирование медиации по уголовным делам [4].

Следует отметить, что первая попытка законодательного закрепления в Республике Беларусь медиации в уголовном процессе была предпринята несколько лет назад, но проект был отклонен на достаточно поздней стадии разработки. При этом закрепление медиации в уголовно-процессуальном законе все же состоялось, что может быть оценено положительно. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [5] были закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее по тексту — УПК РБ) [6] возможность примирения сторон с участием медиатора (ст. 30 УПК РБ), соответствующая терминология и процессуальные требования.

Оценивая изменения в целом, надо сказать, что внедрение медиации не изменило уголовно-правовую политику как таковую: идея примирения и до этого была знакома действующему белорусскому закону.

Примирение, проводимое с участием медиатора, стало возможным по делам частного обвинения, т. е. в случае совершения деяний, влекущих ответственность по требованию потерпевшего (ст. 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту — УК РБ) [7], ст. 26 УПК РБ), а также в ситуации возможности освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК РБ). Таким образом, новый закон затрагивает только те институты, где государство и до этого момента учитывало частные интересы пострадавшего.

Современные глобальные исследования показывают, что успешность развития примирительных практик не коррелирует с уровнем законодательного закрепления [8]. Однако важно внимательно относиться и к мнению, что внедрение восстановительных технологий в уголовном процессе невозможно без прямого указания в законе на такую возможность. Важность для правоприменительной практики нормативного регулирования состоит в том, что в сфере уголовно-процессуальной деятельности с достаточно строгим регулированием применение медиации должно быть гармонизировано с уголовно-процессуальными процедурами, а также процессуальными гарантиями.

В настоящее время, базируясь на уже существующих в уголовном законодательстве механизмах примирения, предпринимались попытки практического внедрения медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов. В качестве примера можно привести проекты учебно-практического «Центра “Медиация и право”», учрежденного общественной организацией «Белорусский республиканский союз юристов», который продвигает восстановительную медиацию и имеет уникальный многолетний положительный опыт ее внедрения по уголовным делам с участием несовершеннолетних в городах Минске, Барановичи, Солигорске. Работа данного центра демонстрирует применимость процедуры медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов в социокультурных условиях и традициях Республики Беларусь и преимущества альтернативных способов. Новеллы закона фактически способствуют развитию такой практики.

Центр реализует также программу школьной медиации. Развитие культуры примирения подрастающего поколения является важным шагом для будущего медиации и примирения в обществе.

Представляется, что для понимания эффективности внедрения медиации, анализа взаимодействия правосудия и примирения, продвижения последнего в Республике Беларусь следует отойти собственно от уголовного процесса и рассматривать примирительные процедуры именно в русле уголовной политики, содержанием которой является определение целей и задач, принципов и направлений, а также выработка форм и методов борьбы с преступностью. С нашей точки зрения именно согласованность медиации с данной системой обеспечит такое положение, когда данный институт будет позитивно восприниматься со стороны правоприменителей и представит эффективную альтернативу привлечению к уголовной ответственности и иным существующим механизмам.

Безусловно, примирительные процедуры в рамках дел частного обвинения или освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим не могут в должной мере реализовать потенциал восстановительной медиации. Дела такой категории не занимают значительного сегмента уголовной юстиции. Более того, очевидно, что существует ряд споров и конфликтов, где стороны могут примириться без посторонней помощи.

При этом идея восстановительного правосудия предполагает иной взгляд на преступление как событие прошлого и иную реакцию общества на него. Концептуальная разница между пониманием деяния в теории восстановительного правосудия предполагает при его внедрении более серьезную трансформацию представления о методах противодействия преступности в уголовной политике.

Представляется, что самый важный аспект и препятствие в развитии примирительных процедур проявляются в действиях принципа неотвратимости ответственности (ст. 3 УК РБ) и собственно принципа публичности (ст. 15 УПК РБ). Именно в наказании и иных мерах ответственности законодатель видит главный и эффективный механизм

противодействия преступности. Такое понимание не может не оказывать сдерживающий эффект на развитие восстановительной медиации. Также это влияет на характер предлагаемого законодательного закрепления процедуры медиации, который основывается именно на внедрении процессуальных институтов без корректировки уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Фактически концептуальное развитие примирительных процедур предполагает необходимость государству делегировать обществу часть своих полномочий по противодействию преступности, защите граждан от преступных посягательств. На наш взгляд, сущность уголовной политики в Республике Беларусь в настоящее время не может быть охарактеризована таковой.

Успех примирительных процедур в тех странах, где они хорошо развиты, предполагают вовлеченность в реализацию программ институтов гражданского общества [9]. По нашему мнению, доступность медиации, менторство в ходе реализации медиативных соглашений невозможно обеспечить без волонтерской работы и заинтересованности местных сообществ.

В настоящее время в Республике Беларусь реализация программ восстановительной медиации возможна лишь на коммерческой основе аккредитованными медиаторами. Это накладывает ограничения на применение программ и не может говорить о заметном влиянии на решение проблем противодействия преступности.

Представляется, что отсутствие в новеллах решения вопроса о финансировании не может быть причиной отказа от реализации технологий медиации. Механизм финансирования может быть выработан в процессе практической реализации. Например, такая возможность может быть реализована как за счет средств граждан, так и за счет негосударственных фондов. При этом медиация, которая недоступна всем заинтересованным лицам, не решает глобально социальной задачи противодействия преступности.

Немаловажным для успешного внедрения восстановительной медиации является развитие согласительных процедур в уголовно-процессуальной деятельности. Анализ уголовно-процессуального закона показывает, что присутствуют такие процедуры, как: ускоренное производство (гл. 47 УПК РФ), в т. ч. заочное производство; сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326 УПК РФ); досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49 УПК РФ).

Однако единственный институт, где мы можем говорить о компромиссе как разрешении конфликта на основе взаимных уступок, — это досудебное соглашение о сотрудничестве, при заключении которого обвиняемый может рассчитывать на применение особых правил назначения наказания (ст. 69 УК РФ). Другие из указанных процессуальных институтов не могут рассматриваться как компромисс, т. к. такие согласительные процедуры не закрепляют при получении согласия со стороны подозреваемого/обвиняемого послаблений при назначении наказания или применения иных мер ответственности. Нам кажется, что дальнейшее развитие согласительных процедур в уголовном процессе в целом может способствовать развитию восстановительной медиации.

Внедрение медиации предполагает и влияние в т. ч. на институты уголовно-исполнительного права. Сложно представить успешное развитие медиации без института пробации. В странах, где примирение возложено на государственные структуры, это осуществляется именно службами пробации [10]. В целом должна получить развитие социальная работа по ресоциализации, в т. ч. с осужденными, освободившимися из мест лишения свободы, и т. д.

В заключении отметим, что нельзя рассматривать примирительные процедуры как абсолютно уместные и приемлемые. Каждый конфликт должен быть проверен на предмет медиабельности, и при его разрешении обеспечено сохранение права на судебную защиту. Так, весьма сдержано следует оценить внедрение примирения в случае гендерного или домашнего насилия [11].

Жертвы такого насилия могут никогда не прийти к процессу альтернативного урегулирования спора на уровне, соответствующем уровню преступника. Характерной особенностью таких преступлений является факт, что такие жертвы всегда остаются с чувством стыда, беспомощности и уязвимости, в то время как преступник выражает чувство власти и доминирования. С целью недопущения реприватизации домашнего насилия и насилия в отношении женщин и предоставления жертве возможности добиваться справедливости государство обязано обеспечить доступ к состязательному судебному разбирательству, проводимому под председательством беспристрастного судьи на основе действующего национального законодательства [12].

Несмотря на указанные аспекты, представляется важным продвижение примирения и медиации в уголовно-правовой сфере. Такое продвижение можно назвать правильным и нужным как обществу, так и государству.

Список литературы:

1. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871& p0=H11300058> (дата обращения: 15.12.2021).
2. Зайцева Л. Л. Примирение с потерпевшим — альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта // Судовы веснік. 2011. № 3. С. 71–79.
3. Самарын В. І. Медыяцыя ў крмінальным працэсе Польшчы: прававое рэгуляванне і досвед // Юстыцыя Беларусі. 2014. № 10 (151). С. 49–53.
4. Петрова О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие // Юстиция Беларуси. 2010. № 12. С. 31–34.
5. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100085_-1610485200.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З // Информационно-поисковая система «Эталон-online». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (дата обращения: 15.12.2021).

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 15.12.2021).

8. Van Ness D. W. An overview of restorative justice around the world // National Association of Community and Restorative Justice. URL: https://nacri.org/index.php?option=com_easyfolderlistingpro&view=download&format=raw&data=eNptkE1rwzAMhv-K0WmDQZ2uXVf1VNhphw122bG4iZI YkjhITtox9t9cJ1wnKbvsYNCH30ev5DDL8FvwCaEMTU EMB8HNBSG3rlwiWTFJ GDjXqKX2TCyrD5IY2EU_knkdJPqckkYx MAjxTJGphGBvrWpQ2d- EHcLpNNVS9jxLO9dOKPXCf9_-Q15Kkni8mYwhZtr ULganpXaxTZhEWUKnCG2.i3Rjh25n0kHj1dTCjNP-7NkcPQFSbWZD4DN4W5e3GdGfW9kciDWVu7vU-8RwS6xiXqi3LxQdf e653g4NGmddWmi9HldUud_-j5P1b0qmJKN-QK6VxVC1ajRn1_7GX2r (дата обращения: 25.11.2021).

9. Restorative Justice: the evidence / L. W. Sherman [et al.]; ed.: L. W. Sherman, H. Strang. London: the Smith Institute, 2007. 96 p.

10. Петрова О. В. Службы посредничества по уголовным делам: модели организации и практика зарубежных стран // Юстиция Беларуси. 2009. № 8. С. 32–34.

11. Гендер и право: учебное пособие / Е. Г. Абраменко [и др.]; под общ. ред. Т. В. Телятицкой. Мн.: ЮНИПАК, 2020. 340 с.

12. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence. V. 11. Istanbul. 2011. URL: <https://rm.coe.int/16800d383a> (дата обращения: 15.12.2021).

References:

1. On mediation: Law of the Republic of Belarus dated 12.07.2013 No. 58-З // National legal Internet portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871p0=H11300058> (access date: December 15, 2021).

2. Zaitseva L. L. Reconciliation with the victim — an alternative way of settling a criminal-legal conflict // Sudovy vesnik. 2011. No. 3. Pp. 71–79.

3. Samaryn V. I. Medyatsya on the Crimean praces of Poland: right-wing regulation and information // Justyatsya Belarusi. 2014. No. 10 (151). Pp. 49–53.

4. Petrova O. V. Procedural guarantees of the rights of the accused and the suspect and restorative justice // Justice of Belarus. 2010. No. 12. Pp. 31–34.

5. On changing the codes on criminal liability: Law of the Republic of Belarus dated May 26, 2021 No. 112-З // National legal Internet portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100085_1610485200.pdf (access date: December 15, 2021).

6. The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 No. 295-3 // Information retrieval system “Etalon-online”. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (access date: December 15, 2021).

7. The Criminal Code of the Republic of Belarus dated July 9, 1999, No. 275-3 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (access date: December 15, 2021).

8. Van Ness D. W. An overview of restorative justice around the world // National Association of Community and Restorative Justice. URL: https://nacrij.org/index.php?option=com_easyfolderlistingpro&view=download&format=raw&data=eNptkE1rwzAMhv-K0WmDQZ2uXVf1VNhphw122bG4iZIYkjhITtox9t9cJ1wnKbvsYNCH30ev5DDL8FvwCaEMTUEMB8HNBsG3rlwiWTFJGDjXqKX2TCyrD5IY2EU_knkJPqckkYxMAjxTJGphGBvrWpQ2d-EHcLpNNVS9jxLO9dOKPXCf9_Q15Kkni8mYwhZtrULganpXaxTZhEWUKnCG2.i3Rjh25n0kHj1dTCjNP-7NkcPQFSbWZD4DN4W5e3GdGfW9kciDWVu7vU-8RwS6xiXqi3LxQdf e653g4NGmddWmi9HldUud_j5P1b0qmJKN-QK6VxVC1ajRn1_7GX2r (access date: November 35, 2021).

9. Restorative Justice: the evidence / L. W. Sherman [et al.]; ed. : L. W. Sherman, H. Strang. London: the Smith Institute, 2007. 96 p.

10. Petrova O. V. Mediation Services in Criminal Cases: Models of Organization and Practice of Foreign Countries // Justice of Belarus. 2009. No. 8. Pp. 32–34.

11. Gender and law: textbook / E. G. Abramenko [and others]; under total. ed. T. V. Telyatitskaya. Minsk: UNIPAK, 2020. 340 p.

12. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence. V. 11. Istanbul. 2011. URL: <https://rm.coe.int/16800d383a> (access date: December 15, 2021).

УДК/UDC 343.13

Деформализация уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий: русские реалии и зарубежный опыт

Руденко Дарья Алексеевна

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail:d.rudenko@lenrezerv.ru

SPIN-код: 6561-8610

Аннотация

В статье автором рассматриваются вопросы оптимизации, цифровизации и объективизации проведения субъектами, осуществляющими уголовный процесс, следственных и иных процессуальных действий. В частности, анализируется такое явление, как электронное уголовное дело, которое стало результатом развития современных криминалистических механизмов. Отмечается, что основная функция электронного документооборота в уголовном судопроизводстве должна быть направлена на облегчение взаимодействия между звеньями уголовной, уголовно-исполнительной системы и всеми участниками уголовного судопроизводства. Рассматривается опыт иностранных государств по внедрению электронного судопроизводства, в частности Республики Казахстан, Республики Франция, Республики Беларусь, США и др. В заключении автор делает выводы о перспективах заимствования зарубежного опыта для развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Ключевые слова: деформализация, электронное уголовное дело, цифровизация.

Deformalization of criminal proceedings in the context of the development of digital technologies: Russian realities and foreign experience

Rudenko Darya Alekseyevna

Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

e-mail:d.rudenko@lenrezerv.ru

SPIN Code: 6561-8610

Abstract

In the article, the author examines the issues of optimization, digitalization and objectification of the conduct of investigative and other procedural actions by the subjects carrying out the criminal process. In particular, the author analyzes such a phenomenon as an electronic criminal case, which is the result of the development of modern forensic mechanisms. It is noted that the main function of electronic document management in criminal proceedings should be aimed at facilitating interaction between the links of the criminal, penal system and all participants in criminal proceedings. The experience of foreign countries in the implementation of electronic legal proceedings, in particular the Republic of Kazakhstan, the Republic of France, the Republic of Belarus, the USA, etc., is considered. In conclusion, the author draws conclusions about the prospects for borrowing foreign experience for the development of criminal justice in the Russian Federation.

Key words: deformalization, electronic criminal case, digitalization.

В последние годы наблюдается стремительное внедрение высокотехнологичных разработок и новшеств в различные сферы российского общества и деятельность органов власти и управления. Так, «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определены приоритетные направления внутренней политики, такие как развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры [1].

Юридическая отрасль не является исключением и специалисты, осуществляющие деятельность в области права, могут наблюдать, как происходит цифровизация судебного процесса путем создания различных автоматизированных систем, таких как, например, «КАДАРбитр» и «ГАС Правосудие». В судопроизводстве активно развивается приме-

ние видеоконференцсвязи и иных методов взаимодействия между участниками процесса. Однако, несмотря на такие темпы развития, ситуация, сложившаяся в результате пандемии коронавирусной инфекции, показала, что Российская Федерация не в полной мере готова к столь быстрой цифровизации всех сфер общественной жизни и деятельности. Многие технологии оказались внедрены экспериментальным путем без достаточной степени исследования, методологических разработок и нормативно-правовой базы. В этой связи позднее, 21 июля 2020 г., был издан Указ Президента, где «цифровая трансформация» была закреплена в качестве одной из национальных целей на период до 2030 г. [2]. Соответственно в т. ч. перед российской системой правосудия оказалась поставлена задача не только лишь скорейшего внедрения цифровых технологий, но и создания достаточных условий для их надлежащего функционирования. В частности, существенная часть необходимых разработок должна быть направлена на развитие возможностей использования современных технологий при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

В связи с неизбежной тенденцией цифровизации этапов работы с уголовными делами и потребности в максимальной эффективности уголовного судопроизводства видится необходимым рассмотрение данного вопроса в контексте объективной возможности упрощения всех текущих следственных и судебных процессов. В частности, представляется актуальным применение к данному явлению такого понятия, как «деформализация», под которой понимается оптимизация, цифровизация и объективизация проведения субъектами, ведущими уголовный процесс, следственных и иных процессуальных действий, позволяющая оперативно и качественно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также в конечном итоге получать доказательства, отвечающие свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве [3].

Сущность деформализации уголовного судопроизводства неразрывно связана с успешно развивающейся в зарубежных странах практикой ведения уголовных дел в электронном формате. Данный опыт

активно реализуется в различных формах в Федеративной Республике Германия, Республике Сингапур, Королевстве Нидерландов, США, Королевстве Саудовская Аравия, Республике Казахстан и правопорядках других стран.

Рассматривая перспективы появления электронного уголовного дела в России, необходимо отметить, что данная идея вовсе не нова и попытки создания различных программно-аппаратных комплексов, приложений и разработок уже имели место, однако до сих пор в полной мере не получили своего развития [4]. К значимым шагам по внедрению концепции электронного дела можно отнести введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) в 2020 г. ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», которая закрепляет возможность подачи в суд ходатайства, заявления, жалобы и представления в форме электронного документа и изготовление (за небольшим исключением) судебных решений в такой форме, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Однако все подобные обращения в суд после их соответствующей обработки в целях приобщения к материалам судебного производства в суде распечатываются, что отчасти нивелирует преимущества концепции.

Вопрос о том, какие функции и возможности должны предусматриваться при разработке концепции электронного уголовного дела в Российской Федерации, тесно связан с пониманием того, какие аспекты следственной и судебной работы сами по себе являются неэффективными и нерациональными с точки зрения времени, ресурсов и логистики.

Так, видится, что основная функция данного нововведения должна быть направлена на облегчение взаимодействия между звеньями уголовной, уголовно-исполнительной системы и всеми участниками уголовного судопроизводства. На сегодняшний день процессы формирования томов уголовного дела, составления описей и сопроводительных писем, передачи материалов дела из органов следствия в прокуратуру, а далее в суд требуют значительных затрат времени и ресурсов. Вместо того, что-

бы осуществлять глубокий правовой анализ материалов дела, проводить следственные действия, сотрудник правоохранительного органа вынужден заниматься рутинной и трудоемкой работой, для которой вовсе не требуются его квалификация, познания в материальном и процессуальном праве. Данная неэффективность проявляется также при конвоировании заключенных в суд и для производства следственных действий.

Крайне успешным примером деформализации данного аспекта уголовного судопроизводства выступает опыт Республики Казахстан, где в рамках реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» Генеральной прокуратурой в 2017 г. был внедрен модуль «Электронное уголовное дело», интегрированный с судебной информационной системой. Впоследствии Приказом Генерального Прокурора № 2 от 3 января 2018 г. была утверждена Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Среди основного функционала данной системы и особенностей ее функционирования следует назвать: доступ в систему посредством трехфакторной аутентификации, утвержденные шаблоны базовых процессуальных документов, нанесение подписей на процессуальные документы посредством графического планшета, упрощенное получение сведений из государственных баз данных, «SMS-повестка», веб-портал «Публичный сектор» (электронное взаимодействие органов уголовного преследования с адвокатами и участниками процесса), «e-Жалоба» подача участниками процесса жалоб в онлайн режиме, АРМ «Криминалист» (электронное назначение и получение криминалистических исследований), АРМ «Эксперт» (электронное назначение и получение судебных экспертиз) [5].

Что касается России, то на заседании Совета судей Российской Федерации в июле 2020 г. председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов анонсировал разработку сервиса «Правосудие онлайн», который позволит внедрить автоматизированное составление проектов документов, перейти на электронный документооборот, распространить дистанционный формат подачи и получения судебных документов, а также дистанционное участие в судебном процессе. Председатель Верхов-

ного Суда Российской Федерации также пообещал в ближайшем будущем законодательно урегулировать применение современных технологий в судопроизводстве, в то время как у зарубежных коллег это ближайшее будущее уже давно наступило, и их опыт может быть взят за основу [6].

В качестве одного из важнейших элементов осуществления электронного судопроизводства следует признать возможность электронного санкционирования следственных действий и рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения. Такая практика уже внедрена в Республике Казахстан, где в результате нововведения сократились как сроки решения указанных вопросов и риски побега, так и финансовые затраты на службу конвоирования, затраты, связанные с износом автотранспорта и расходом топлива [5].

Еще одним направлением деформализации может выступать совершенствование документального обмена судебных и следственных органов с экспертными учреждениями. Успешный опыт функционирования подобных инструментов можно наблюдать во Французской Республике, где используется созданная при активном сотрудничестве экспертов, адвокатов и представителей системы правосудия платформа Opalexe [7], предназначенная для цифровизации судебно-экспертной деятельности. Как видится, сам по себе процесс передачи документов в экспертное учреждение в России является длительным и трудоемким, т. к. требует от правоохранительных органов формирования внушительного пакета процессуальных и сопроводительных документов. Обеспечение возможности их загрузки в единую систему, несомненно, позволило бы избавить как сотрудников правоохранительного органа, так и работников экспертного учреждения от рутинной работы и ускорило бы обмен документами между ними.

Также, говоря о деформализации за счет облегчения взаимодействия, некоторые исследователи отмечают необходимость закрепления на законодательном уровне порядка действий следствия, суда, экспертов и организаций по получению удаленного доступа в базы данных предприятий [8]. Предоставление такого доступа, по мнению ученых, долж-

но осуществляться по аналогии с аудиторскими организациями. Так, у аудитора отсутствует необходимость запрашивать документы и имеется возможность оценить весь объем учетной информации, не отвлекая сотрудников предприятия от рабочего процесса. Очевидными плюсами таких нововведений следует назвать минимизацию изъятия ненужных документов, оперативность получения необходимой информации, снижение трудовых, финансовых и временных затрат за счет получения информации в электронном виде, а не на бумажных носителях.

Однако деформализация уголовного судопроизводства не должна сводиться к одной лишь разработке единых баз обеспечения документооборота, принятия решений и облегчению доступа. Достижение максимальной эффективности может осуществляться путем приспособления и адаптации достижений математических, технических и естественных наук и уже существующих цифровых технологий и информационных систем, созданных для других областей, к целям и нуждам уголовного судопроизводства.

Так, например, одним из перспективных направлений в практическом развитии научно-технической базы является внедрение 3D-технологий, которые получили свое развитие и распространение во многих сферах, начиная от производства и заканчивая образованием и медициной. С помощью современных 3D-разработок уже стало осуществимо моделирование как отдельных объектов (например, автотранспорта), так и каких-либо процессов (например, механизма дорожно-транспортного происшествия или крушения самолета) [9]. Видится, что наличие широкого перечня уже апробированных результатов, максимальная регламентация технического применения и широта распространения могут служить основой для постепенного внедрения 3D-технологий в уголовное судопроизводство.

Например, для осмотра и фиксации происшествий, связанных с автотранспортом, компания FARO Technologies Inc разработала программно-аппаратный комплекс, в комплект которого входит 3D-сканер FaroFocus 3D и специализированное программное обеспечение

DTP 3D, которое используется уже для проведения автотехнической экспертизы, а именно для реконструкции ДТП и создания его трехмерной модели [10]. Несомненно, разработки в данном направлении способны упростить процесс установления истины и по уголовным делам.

Другой стороной деформализации уголовного судопроизводства за счет использования 3D-технологий выступает то, что они активно внедряются в проведение судебно-медицинской экспертизы. Так, исследователи отмечают, что научно-практические разработки и реализация методик использования компьютерной томографии и техники 3D-изображений в практике судебно-медицинских исследований, наряду с традиционными, позволяет не только качественно улучшить результаты следственной и экспертной работы, но и получить максимум информации в минимальный срок [11]. В качестве примера успешного иностранного опыта можно привести внедрение в повседневную практику судебно-медицинских экспертов США, Государства Швейцария, Республики Франция и Республики Казахстан процедуры виртуальной аутопсии с применением 3D-технологий [12]. Как видится, такие разработки должны развиваться и в Российской Федерации. Ученые отмечают, что существует потребность в разработке ныне отсутствующих стандартизованных методик по применению «виртуальной аутопсии» в судебно-медицинской экспертной практике [13].

Интересным видится вопрос о внедрении искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство с целью его деформализации. Это направление является очень разноплановым и обсуждаемым во всем мире, т. к. искусственный интеллект может применяться для широкого спектра целей. Так, например, на пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, в которой были закреплены основные принципы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве [14].

Говоря о практике внедрения искусственного интеллекта, отметим, что ряд технологий, составляющих искусственный интеллект, уже плот-

но вошел в повседневную работу по криминалистическому и судебно-экспертному сопровождению расследования преступлений при обнаружении доказательственной и ориентирующей информации.

В то же время нельзя не сказать о ключевых препятствиях интеграции алгоритмов искусственного интеллекта в уголовный процесс. К такому можно отнести, в первую очередь, сложности научного обоснования этих методов и генерируемых ими результатов, а также воспроизводимости этих методов и, как следствие, получаемых выводов и результатов.

Рассуждая о путях преодоления таких ограничений, исследователь А. А. Бессонов отмечает, что следует фокусировать внимание на необходимости обеспечения при использовании алгоритмов искусственного интеллекта таких результатов и выводов, которые могут быть поняты и интерпретированы специалистами-людьми [15]. К этому следует добавить утверждение Н. Г. Загоруйко, который полагает, что алгоритмы искусственного интеллекта должны обеспечивать прозрачность результата для человека и машины, заключающуюся в его понятности пользователю-нематематику и в то же время пригодности для дальнейшей обработки в качестве компьютерной информации [16]. Исходя из этого, искусственный интеллект в следственной, экспертной и судебной работе концептуально следует рассматривать не в качестве замены сотрудника соответствующего органа, а как способ освобождения его от рутинной работы и ускорения процесса получения результата.

Как видится, с этими утверждениями корреспондируют принципы вышеупомянутой Хартии, согласно которым используемые в системе судопроизводства алгоритмы искусственного интеллекта должны быть прозрачными, беспристрастными и достоверными, т. е. основываться на доступных и понятных методах обработки данных, позволяющих осуществить внешнюю проверку логики, лежащей в основе предлагаемых решений и предоставлять пользователю такой объем информации, который необходим для контроля над обоснованием выбираемого решения.

Представляется, что разработчики в сфере искусственного интеллекта и его пользователи должны стремиться к выходу на такой уровень создания методов, который обеспечит достаточный баланс между их прозрачностью и объяснимостью с одной стороны и высокой мощностью, производительностью и точностью с другой. В научной литературе такое сочетание получило наименование «объясняемый искусственный интеллект». Алгоритмы объясняемого искусственного интеллекта являются тем инструментарием, который может использоваться в следственной, судебной, судебно-экспертной деятельности.

Данное условие можно продемонстрировать на примере практического зарубежного опыта научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, где иностранные коллеги активно используют алгоритмы искусственного интеллекта в качестве метода исследования пылицы. Так, анализ пылицы, оставленной на небольшом фрагменте поверхности в случае производства работы вручную, предполагает исследование каждой частички по справочнику, а значит, и огромные затраты времени. По этой причине для указанной задачи используется искусственный интеллект, который с этой задачей справляется гораздо быстрее, однако требует, чтобы эксперт контролировал процесс и анализировал полученный результат [17].

Говоря об иных практических проблемах, следует сказать о том, что большая часть из них связана с необходимостью обеспечения системы защиты данных и конфиденциальности во избежание фальсификации доказательств, получения бесконтрольного доступа к базам данных, в т. ч. персональным данным, сведениям, составляющим охраняемую законом тайну.

Такая необходимость во многом связана с развитием такого понятия, как «цифровой след», которое возникло в результате закономерностей образования, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем. По мнению многих ученых, такие следы должны именоваться «виртуальными» и занимать промежуточное положение между иде-

альными и материальными. Такой позиции придерживается, например, В. А. Мещеряков [18]. При этом наиболее полной представляется позиция Е. Р. Россинской и И. А. Рядовского, которые в качестве свойств цифровых следов называют невозможность восприятия непосредственно органами чувств, а только с помощью специальных устройств и программ; требование новых, отличных от традиционных, способов, методов и процедур по обнаружению, фиксации и обеспечению их сохранности [19].

Появление цифровых следов в качестве самостоятельных объектов оказывает существенное влияние на особенности судебно-следственной работы. Причина заключается в том, что такие следы доступны восприятию человеком только посредством использования специализированных программных и аппаратных средств, осуществляющих декодирование и визуализацию в привычной графической, текстовой или звуковой форме. Соответственно, проблемой выступает необходимость правильной интерпретации понимания технической стороны создания, хранения и передачи, а следовательно, наличие сходной технологии изъятия, фиксации и обращения такого рода доказательств.

Нивелирование данных рисков может также осуществляться за счет использования опыта зарубежных коллег. Так, в Республике Казахстан любой доступ к применяемой системе предоставляется только по защищенному каналу связи в единой транспортной среде государственных органов (ЕТС ГО). Для защиты каналов связи устанавливаются специальные программно-аппаратные комплексы CERTEX VPN (шифраторы). В систему е-УД следователь, дознаватель, их начальники и прокурор заходят посредством трехфакторной авторизации (ЭЦП, логин/пароль и отпечаток пальца). Все их действия фиксируются в модуле «Журналирование событий», предназначенном для контроля за действиями должностных лиц по конкретным делам (фиксируется, кто и когда имел доступ к уголовному делу, просматривал, вводил сведения о произведенных следственных действиях, редактировал и т. д.). В целях обеспечения безопасности от возможных хакерских атак и выявлению уязвимостей системы на постоянной основе проводятся санкционирован-

ные DoS-атаки с привлечением специалистов Центра анализа и расследования кибератак [5].

Кроме того, для минимизации указанных рисков допустимо разработать такую систему контроля, при которой бы фиксировались соответствующие действия сотрудников путем видеозаписи, записи экрана. Так, например, В. В. Зозуля предлагает на законодательном уровне предусмотреть возможность осуществления видеозаписи при проведении следственных действий с автоматической системой видеозаписи в служебных помещениях органов предварительного расследования в уведомительном порядке [20].

Соответственно, стремление к деформализации требует качественного изменения требований к квалификации и образованию кадров, т. к. они будут обязаны обладать знаниями различных программных комплексов и программ.

В российских реалиях восприятие возможностей оптимизации и упрощения процесса зачастую сталкивается с препятствиями в виде внутренних сложившихся особенностей организации, статистических данных, низкого уровня подготовки кадров. К сожалению, многие перспективные нововведения и институты, разрабатываемые законодателем и преследующие благую цель, нередко получают иллюзорное воплощение и упираются в формализм.

В качестве яркого примера того, как законодательная цель оптимизации уголовного судопроизводства не была достигнута из-за столкновения с устоявшимися следственной традицией и статистикой, можно привести такой институт, как прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, закрепленный в ст. 25 УПК РФ. Так, законодатель при разработке указанного института рассматривал его как позволяющего сократить следственные и судебные процессы по тем делам, которые представляют меньшую общественную опасность в силу наличия определенных условий. Соответственно, при соблюдении указанных условий заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела на стадии следствия должно было служить целям оптимизации работы

всей правоохранительной системы, т. к. отсутствовала бы необходимость продлевать сроки следствия и меры пресечения, процессуально оформлять окончание следствия по ст. 217 УПК РФ, составлять и вручать обвинительное заключение, направлять его прокурору, передавать дело в суд и рассматривать его в судебном порядке. Однако на практике ситуация складывается таким образом, что в силу того, что соответствующее прекращение, даже при соблюдении всех необходимых условий, является лишь правом следователя, данное право воспринимается как обязанность отказать в удовлетворении ходатайства и каждый раз направить дело в суд для реализации этого института в судебном процессе. Соответственно, несмотря на законодательную возможность сокращения всех этапов, результат в виде прекращения достигается за редким исключением лишь в суде, причем зачастую с согласия прокурора.

Таким образом, подводя итоги проведенному исследованию возможностей применения современных технологий в уголовном судопроизводстве и его деформализации, следует отметить, что темп роста объемов хранимой и передаваемой информации, а также скорость появления новых технических средств и разработок делают невозможным раскрытие, расследование и рассмотрение уголовных дел прежними методами. Это означает, что требуется повышение компьютеризации и автоматизации уголовного процесса, внедрение автоматического получения и исследования данных, что в свою очередь, значительно увеличивает сложность инструментальной базы.

Представляется, что в силу активной цифровизации окружающего мира может осуществляться адаптация уже имеющихся технологий и устройств. В то же время в отношении новых объектов, таких как, например, цифровые следы, требуется комплексный подход ко внедрению современных технологий и разработка новых методик расследования преступлений.

При этом, вне зависимости от эффективности новых технологий, решающая роль, как видится, всегда должна оставаться за человеком.

Нельзя забывать, что любое изобретение служит лишь средством облегчения работы и базой для выводов и решений.

Список литературы:

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 07.11.2021).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 07.11.2021).
3. Назаров А. Д. Движение к деформализации в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 08–09 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 140–141.
4. Янушко А. В., Бабанин А. В., Кузнецова О. А. и др. Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. 2011. № 1. С. 21–29.
5. Тлеубаев Д. К., Иманбаев С. М., Карымсаков Р. Ш. Цифровизация Уголовного процесса в республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal. 2021. № 11 (98). С. 31–37.
6. Успехи новых судов и осторожность в соцсетях: что обсудили на Совете судей // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29094/ (дата обращения: 24.10.2021).
7. La plateforme de dématérialisation des expertises judiciaires // URL: <https://www.opalexe.fr/opalexe/> (дата обращения: 06.10.2021).
8. Саркисян А. А. Цифровые базы данных в судебно-экспертной деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №6 (70). С. 133-140.
9. Карлова А. В. Метод 3D-моделирования в современной судебной экспертизе // MODERN SCIENCE. 2020. № 1-3. 2020. С. 81–85.
10. Современные технологии в экспертной деятельности : учебное пособие / Н. А. Жукова, И. А. Ярощук, Е. А. Яковенко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 52 с.
11. Ярмак К. В. Основные направления развития 3D-моделирования в криминалистике и судебно-экспертной деятельности // Криминалистические средства

и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием 4-5 марта 2014 г. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. С. 433–436.

12. Дадабаев В. К., Троян В. Н., Путинцев В. А., Ковтун Э. А. Применение компьютерной томографии в судебной медицине // Военно-медицинский журнал. 2010. № 12. С. 52–53.

13. Дадабаев В. К., Колкутин В. В., Стрелков А. А. «Виртуальная аутопсия»: перспективы ее развития в Российской Федерации // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 2. С. 12–15.

14. Гурбанов Р. А. Оглы. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1 (80). С. 10–15.

15. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. М.: Проспект, 2021. 816 с.

16. Загоруйко Н. Г. Искусственный интеллект и эмпирическое предсказание. Новосибирск: НГУ, 1975. 82 с.

17. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/centr-news.html?news_id=6377 (дата обращения: 10.07.2021)

18. Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 28–33.

19. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 6–9.

20. Зозуля В. В. К вопросу о применении видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 47–51.

References:

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 // Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (access date: November 07, 2021).

2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (access date: November 07, 2021).

3. Nazarov A. D. Movement towards deformalization in proving in criminal cases // Actual problems of combating crime: theory and practice: materials of the XXIV international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, 08–09 April 2021. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Pp. 140–141.

4. Yanushko A. V., Babanin A. V., Kuznetsova O. A. and other Protected hardware and software complex of the center for storing electronic copies of criminal case materials // Security of information technologies. 2011. No. 1. Pp. 21–29.

5. Tleubaev D. K., Imanbaev S. M., Karymsakov R. Sh. Digitalization of the Criminal Procedure in the Republic of Kazakhstan: Formation and Practice of Application // Colloquium-journal. 2021. No. 11 (98). Pp. 31–37.

6. The success of new courts and caution in social networks: what was discussed at the Council of Judges // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29094/ (date of access: 24.10.2021).

7. La plateforme de dématérialisation des expertises judiciaires // URL: <https://www.opalexe.fr/opalexe/> (access date: October 06, 2021).

8. Sargsyan A. A. Digital databases in forensic activity // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina. 2020. No. 6 (70). Pp. 133–140.

9. Karlova A. V. 3D Modeling Method in Modern Forensic Science // MODERN SCIENCE. 2020. No. 1-3. 2020. Pp. 81–85.

10. Modern technologies in expert activity: textbook / N. A. Zhukova, I. A. Yaroshchuk, E. A. Yakovenko. Belgorod: Publishing House "BelGU"NRU "BelGU 2021. 52 p.

11. Yarmak K. V. The main directions of the development of 3D-modeling in forensic science and forensic activity // Criminalistic means and methods in the disclosure and investigation of crimes: materials of the VI All-Russian scientific and practical conference on forensic science and forensic examination with international participation on March 4-5, 2014 Moscow: EKTs Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. Pp. 433–436.

12. Dadabaev V. K., Troyan V. N., Putintsev V. A., Kovtun E. A. Application of computed tomography in forensic medicine // Military Medical Journal. 2010. No. 12. Pp. 52–53.

13. Dadabaev V. K., Kolkutin V. V., Strelkov A. A. "Virtual autopsy": prospects for its development in the Russian Federation // Medical expertise and law. 2015. No. 2. Pp. 12–15.

14. Gurbanov R. A. Ogly. European Charter on Ethical Principles for the Application of Artificial Intelligence in Judicial Systems: Values // Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2020. No. 1 (80). Pp. 10–15.

15. Bessonov A. A. Artificial Intelligence and Mathematical Statistics in the Forensic Study of Crimes. Moscow: Prospect, 2021. 816 p.
16. Zagoruiko N. G. Artificial intelligence and empirical prediction. Novosibirsk: NSU, 1975. 82 p.
17. State Committee for Forensic Expertise of the Republic of Belarus. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/centr-news.html?news_id=6377 (access date: October 07, 2021).
18. Meshcheryakov V. A. "Virtual traces" under the "scalpel of Occam" // Information security of regions. 2009. No. 1 (4). Pp. 28–33.
19. Rossinskaya E. R., Ryadovsky I. A. The concept of digital traces in forensic science // Aubakirovskie readings. Materials of the international scientific and practical conference. 2019. Pp. 6–9.
20. Zozulya V. V. On the issue of the use of video recording in the production of investigative actions with the participation of minors // Criminal Procedure Protection of the Rights and Legal Interests of Minors. 2016. No. 1 (3). Pp. 47–51.

УДК/UDC 343.98

Криминалистическая методика: понятие, современное состояние и тенденции

Хлус Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: hlus.home@mail.ru

SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

Разработки криминалистической науки имеют практико-ориентированную направленность. Но реальность такова, что многие из них по различным причинам оказываются невостребованными либо теряют популярность у практических работников. Несмотря на имеющиеся проблемы прикладного характера, криминалистика как система теоретических и практических знаний имеет потенциал для оптимизации результатов своих исследований. В первую очередь в этом нуждается криминалистическая методика. В нынешнем виде она представляет собой теоретическую систему, которая не обеспечивает на должном уровне результативность расследования преступлений. Проведенный анализ имеющихся проблем криминалистической методики позволил автору сделать вывод о возможности повышения эффективности частных методик расследования преступлений, основываясь на новой информационной модели преступлений, формирование которой возможно при условии сочетания концептуальных положений криминалистической характеристики и материальной структуры преступлений.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, криминалистика, методика расследования, криминалистическая характеристика, материальная структура преступления.

Criminalistics' methodology: concept, current state and trends

Khilus Aleksandr Mikhaylovich

Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Forensic Science

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

e-mail: hlus.home@mail.ru

SPIN Code: 1560-4979

Abstract

Forensic science developments have a practice-oriented focus. But the reality is that many of them, for various reasons, turn out to be unclaimed or are losing popularity among practitioners. Despite the existing problems of an applied nature, forensic science as a system of theoretical and practical knowledge has the potential to optimize the results of its research. First of all, a forensic technique needs this. In its current form, it is a theoretical system that does not ensure the effectiveness of the investigation of crimes at the proper level. The analysis of the existing problems of the forensic methodology allowed the author to conclude that it is possible to increase the efficiency of private methods of investigating crimes, based on a new information model of crimes, the formation of which is possible provided that the conceptual provisions of the forensic characteristics and the material structure of crimes are combined.

Key words: criminal law, crime, forensic science, investigation technique, forensic characteristics, material structure of the crime.

Понятие «методика» используется в криминалистике в различных значениях. Его упоминают в связи с необходимостью решения отдельных общих задач, относящихся к отдельным аспектам деятельности по расследованию всех или многих видов преступлений. Например, методика идентификационного исследования [1], методика экспертного исследования [2; 3], методика проверки алиби [4; 5] и др. Объективная потребность в решении тактических задач в типичных ситуациях расследования по-

влекла за собой разработку многочисленных частных методик расследования отдельных видов или групп преступлений.

Цель данного исследования — рассмотрение общих вопросов криминалистической методики в связи с ее практико-ориентированной направленностью на информационное обеспечение деятельности субъектов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений [6; 7, с. 151–155].

В процессе расследования преступлений используются различные виды информации, но особую значимость приобретает информация методического характера [8].

Как вид социально полезной деятельности расследование преступлений предполагает познание общественно опасного деяния, совершенного в прошлом. В результате этой деятельности решаются задачи по установлению личности и доказыванию виновности субъекта, совершившего преступное деяние, что обеспечивает достижение цели привлечения его к уголовной ответственности.

Необходимость решения тактических задач [9], возникающих в ходе расследования преступлений, обусловила потребность в разработке методических рекомендаций, что привело к формированию раздела криминалистической методики.

Впервые термин «методика» в криминалистике использовал В. И. Громов. Его работа под названием «Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска» [10] послужила началом формирования криминалистической методики как составной части криминалистики и теоретической основы для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Криминалистическая методика, по нашему мнению, имеет двудельную цель. Во-первых, ее теоретическая составляющая ориентирована на создание «системы научных подходов и принципов разработки отдельных методик расследования и условий их использования в расследовании конкретных преступлений» [11]. Во-вторых, мы считаем, что прикладная цель криминалистической методики выражает потребность в

обеспечении субъектов уголовного преследования необходимыми научно-методическими знаниями о методах и способах выявления, раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов или групп преступлений в разных криминалистических ситуациях, возникающих в процессе их деятельности.

На пути к достижению цели криминалистической методики подлежат решению частные и конкретные задачи. К частным задачам криминалистической методики относятся: 1) совершенствование системы научных (общих) положений как основы системы криминалистической методики; 2) разработка новых и совершенствование применяемых на практике частных методик расследования преступлений.

Решение первой частной задачи предполагает развитие частных криминалистических теорий, концепций, относящихся к криминалистической методике. На основе решения этой задачи разрабатываются практические рекомендации по раскрытию, расследованию и предупреждению отдельных видов и групп преступлений. Пути решения второй задачи служат: изучение и обобщение судебно-следственной практики; изучение достижений криминалистической методики и удовлетворение на этой основе потребностей практики разработками эффективных частных методик расследования преступлений и др.

Конкретные задачи возникают перед криминалистической методикой в определенные периоды времени. К ним относятся: изучение и обобщение следственной практики в целях типизации следственных ситуаций конкретного вида преступлений; совершенствование частных методик в связи с появлением новых способов совершения преступлений определенного вида; разработка алгоритмов и программ следственной деятельности на основе современных технологий и техники и др.

Рассматривая криминалистическую методику, необходимо различать научную и практическую сферы ее применения. В связи с этим выделяют три взаимосвязанных, но не совпадающих понятия криминалистической методики. Во-первых, криминалистическая методика — это раздел науки криминалистики; во-вторых, она рассматривается как ме-

тодика расследования отдельного вида (или разновидности) преступления; в-третьих, методику следует рассматривать и в практическом аспекте, когда речь идет о расследовании конкретного преступления.

В системе науки криминалистическая методика тесно связана с иными разделами криминалистической науки: общей теорией, криминалистической техникой и тактикой. Это способствует взаимному проникновению знаний, определяющих направления их развития. Кроме того, обеспечивается органическое сочетание технических средств, способов их использования и тактических приемов производства следственных действий с особенностями методов расследования различных преступлений.

Следует отметить, что в криминалистической методике имеется множество проблем, что сказывается на эффективности следственной деятельности. Основные проблемы локализуются в плоскости понимания сущности и содержания криминалистической методики как раздела криминалистики, а также частной методики расследования отдельных видов преступлений.

В последние годы сформировалось представление о криминалистической методике как о системе научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по наиболее рациональному и эффективно-му применению методов, приемов и тактических средств в специфических условиях расследования преступлений. Такой взгляд на криминалистическую методику не в полной мере отражает реальные потребности правоохранительных органов в обеспечении противодействия современной преступности, отличающейся высоким уровнем организованности и транснациональной направленностью. В связи с этим содержание криминалистической методики как раздела науки не должно ограничиваться вопросами расследования и предупреждения преступлений. Потребность в развитии криминалистической методики определяет современная организованная преступная деятельность. Для ее выявления необходимы специальные методические разработки опережающего характера.

Новый подход к пониманию структуры и содержания криминалистической методики должен основываться на изменении представлений об объекте и предмете науки криминалистики.

Закономерности механизма преступления, возникновения о нем информации, а равно закономерности деятельности по ее выявлению, собиранию, исследованию и использованию как предмет криминалистической науки находятся в прямой связи с изучаемыми ею объектами, в качестве которых выступают преступления и деятельность, направленная на их раскрытие, расследование и предупреждение.

Рассмотрение преступления в качестве объекта криминалистики до определенного момента отражает ее сущностное назначение как науки о реальностях уголовного права [12, с. 42]. Изучать только «реальности уголовного права» не оправдано с позиции сегодняшнего дня, особенно в условиях активного развития техники, нанотехнологий, глобализационных процессов и т. п.

Криминалистика и, соответственно, ее раздел — криминалистическая методика должны быть ориентированы на познание преступной деятельности в широком ее понимании.

Понятие преступной деятельности нередко сводится к единичным преступным актам, но данные понятия и процесс их познания различны. По мнению А. В. Дулова, «изучение преступления не тождественно изучению преступной деятельности» [13, с. 73]. Преступления и преступность являются элементами преступной деятельности, понимание которой не должно ограничиваться только результатами криминальных деяний.

Понятия «преступная деятельность» и «преступность» следует различать. Преступность ученые представляют по-разному, в зависимости от отношения к той или иной науке. Криминологи рассматривают преступность как «систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени» [14, с. 90], а криминалисты видят в ней «совокупность совершенных преступлений, характе-

ризирующую их качественную и количественную распространенность» [15, с. 17–18].

Преступную деятельность следует понимать как направление жизнеобеспечения преступной части общества, способ ее существования посредством совершения отдельных преступлений и их совокупности [16, с. 12].

Мы также считаем, что криминалистика не должна ограничиваться изучением преступлений как результатов преступной деятельности. Функции современной криминалистической науки, учитывая тенденции мирового масштаба (глобализация, информатизация, цифровизация и др.), должны быть расширены.

Специфика современной преступной деятельности определяет необходимость особого подхода к данному объекту криминалистического познания. Дело в том, что стремительное развитие науки и техники способствовало переходу всего мирового сообщества в общество, функционирующее в едином информационном пространстве. Это позволяет прогнозировать некоторые опасные тенденции информационного общества. В их числе можно назвать следующие: 1) использование различных средств воздействия на психику людей, как индивидуально, так и в массовых масштабах; 2) активное использование современных информационных технологий для вторжения в частную жизнь людей и в деятельность организаций; 3) превращение информационного пространства в арену противоборства государств, вражда которых достигает уровня информационной войны; 4) значительное увеличение совершения в информационном пространстве преступлений и др. [17, с. 48–49].

Криминалистической методике необходимо разрабатывать меры, способные оказывать опережающее воздействие на преступную деятельность. Такой подход предполагает трансформацию взглядов на понимание объекта и предмета криминалистики.

Акцентирование внимания на преступной деятельности как объекте криминалистики определяет необходимость расширения предмета ее исследований. Наиболее полное познание закономерностей формирова-

ния преступной деятельности позволит обеспечить разработку адекватных мер противодействия ей.

Выявление признаков преступной деятельности во многих случаях осуществляется в период до начала расследования. Эта задача возложена на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Направления этой деятельности, по-нашему мнению, необходимо указать в единой методике выявления, раскрытия и расследования преступлений. В такой методике в части выявления преступлений отражаются, например, особенности изучения личности потенциального субъекта преступной деятельности, специфика технологических процессов в производственной сфере, особенности документооборота и его содержательная сторона и др.

Таким образом, *криминалистическую методику можно представить как систему теоретических положений и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций по организации выявления преступной деятельности, а также выявления, расследования и предупреждения отдельных видов и групп преступлений.*

Ученые-криминалисты в *системе криминалистической методики* выделяют два структурных элемента:

- а) общая часть (система общих и научных положений),
- б) особенная часть (система частных методик расследования).

В первой (общей) части раскрываются общие положения и научные основы криминалистической методики. Общие положения, являясь своеобразным введением в криминалистическую методику, дают представление о ее предмете, общих и частных задачах, системном построении, источниках и связях с другими разделами криминалистики.

В научных основах, наиболее полно раскрываемых в монографических работах, рассматриваются общие теоретические и методологические начала методики расследования. На базе этих научных основ и разрабатываются частные методики расследования (конкретные методики), составляющие особенную часть данного раздела криминалистики [18, с. 196–198].

На результативность расследования преступлений влияют многие факторы, в т. ч. и наличие в распоряжении следователей частных методик расследования конкретных видов или групп преступлений.

Частные методики расследования представляют собой систему синтезированных знаний из иных разделов криминалистики, адаптированных к типичным ситуациям расследования различных видов преступлений или их групп. Наличие групповых методик расследования признают не все ученые. По мнению С. Н. Чурилова, «создание криминалистических методик более высокой степени общности, охватывающих несколько видов или даже родов преступлений, — это путь в никуда; эта идея не может служить в качестве перспективного пути дальнейшего развития криминалистической методики» [19]. На бесперспективность таких методик указал В. Я. Колдин [20, с. 11]. Не вступая в дискуссию с указанными учеными, заметим, что идея о разработке групповых методик расследования в целом поддерживается в научном сообществе [21, с. 320–322].

Первые структурированные методики расследования содержали сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу; об особенностях возбуждения уголовного дела; об особенностях планирования и построения версий; о первоначальных и последующих следственных действиях; об особенностях установления причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Введение в научный оборот понятия «криминалистическая характеристика преступлений» повлекло преобразование частной методики расследования. Изменения были связаны не только с появлением нового элемента, но и с количеством структурных элементов методики расследования.

Современный этап характеризуется активизацией разработки частных криминалистических методик. Их построение ведется по следующим основным направлениям:

- 1) постоянно совершенствуются существующие частные методики расследования;

- 2) формируются новые методики, что связано с криминализацией деяний;
- 3) разрабатываются методические рекомендации высокой степени общности.

Исследования по этим направлениям развития криминалистической методики породили множество идей. Укажем на некоторые из них. Так, ученые предлагают близкие по своему содержанию преступления объединять в одну группу и формировать укрупненные криминалистические методики [22], различая при этом комплексные [23], групповые [21] и базовые [24] методики расследования. Каждая частная криминалистическая методика может быть представлена совокупностью криминалистических алгоритмов и программ расследования [25, с. 173–245; 26], автоматизирована на основе современной техники и содержать две составные части: методику предварительного расследования и методику судебного разбирательства (следствия) [27].

Наиболее оптимально, на наш взгляд, представлена структура частной криминалистической методики в учебнике криминалистики 1999 г. под редакцией Р. С. Белкина:

- 1) криминалистическая характеристика данного вида преступлений;
- 2) описание типичных следственных ситуаций и особенностей планирования действий следователя на начальном и последующем этапах расследования;
- 3) изложение тактики первоначальных следственных действий и сопутствующих оперативно-розыскных мероприятий;
- 4) особенности тактики последующих действий [28, с. 687].

Такой упрощенный подход к рассмотрению структуры частной методики целесообразен, по-нашему мнению, при решении образовательных задач в системе учебных заведений.

Проблемный аспект современных частных методик расследования связан с криминалистической характеристикой преступлений, которую ученые рассматривают в качестве информационной модели преступле-

ния. В ней же видят своеобразную матрицу, которая «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель [28, с. 688]. Именно в этом видится практическая значимость криминалистической характеристики преступлений.

Мнения ученых отличаются в вопросах формулировки определения понятия «криминалистическая характеристика преступления», количества и наименования элементов, наполняющих ее.

Формирование криминалистической характеристики преступления, на наш взгляд, необходимо основывать на материальных элементах системы преступления, в числе которых в первую очередь следует выделить субъект совершения преступления, объект преступного посягательства и средства совершения преступления.

Ученые и практики давно обратили внимание на абстрактность криминалистической характеристики преступления. Р. С. Белкин назвал ее «криминалистическим фантомом» [29, с. 223].

Признание абстрактной сущности криминалистической характеристики преступлений и связанные с этим проблемы ее практического применения предполагают необходимость проведения дальнейших исследований с целью совершенствования данной научной категории. В связи с этим было предложено осуществить иной подход к криминалистическому пониманию преступления, основывающийся на выделении в нем материальных элементов и их анализе. Это соответствует представлению о криминалистике как науке, занимающейся «реалиями уголовного права» [12, с. 42]. Система криминалистических знаний призвана обеспечить выявление всего, что закреплено уголовно-правовыми нормами в виде абстрактных моделей преступлений.

Приоритет в описании криминальных деяний неоспоримо принадлежит уголовному праву. Но мы считаем, что в уголовном праве и криминалистике необходим единообразный подход в понимании многих аспектов преступного деяния.

Первое представление о преступлении складывается на основе уголовного права, в котором критерием наличия или отсутствия в действи-

ях (бездействии) лица характера и степени опасности деяния выступает состав преступления.

Обязательными элементами каждого конкретного состава преступления являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, которые в своей совокупности образуют две группы признаков: объективные и субъективные. Например, объект преступления представлен в уголовном праве в виде общественных отношений. Также дано абстрактное представление о субъекте преступления.

Значимость и социальная роль уголовного права не подвергаются сомнению. Но следует признать, что в процессе противодействия преступности, осуществляя раскрытие и расследование конкретных криминальных деяний, практические работники имеют дело с реальными проявлениями того, что в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации представлено в виде абстрактных моделей запрещенных деяний.

Напрашивается вывод о том, что уголовно-правовая модель преступления, состоящая из юридических понятий (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), не в полной мере обеспечивает достижение целей расследования. Это влечет за собой необходимость проведения дальнейших исследований такого явления, как преступление. Но, учитывая консервативность уголовно-правовой науки, исследование преступления с иной позиции и формирование иного представления преступления возможно в рамках криминалистической науки.

Понимание преступления как системного образования предполагает выявление в нем материальных объектов, которые связаны между собой и образуют материальную структуру [13, с. 76]. Например, можно выделить следующие материальные элементы: субъект, совершающий преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства; предмет преступления [30, с. 51].

Познание преступления, основанное на данных о его типичной материальной структуре, позволяет в ходе расследования выявить соот-

ветствующие элементы структуры конкретного преступления. На первоначальном этапе они могут быть не в полном объеме представлены необходимой для расследования информацией. Изучение взаимосвязей, закономерно существующих между элементами материальной структуры преступления, позволяет выявлять недостающую информацию об отдельных элементах и тем самым решать уголовно-процессуальные задачи по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Выделение материальных элементов в структуре преступления не является самоцелью. Их дальнейшее описание (характеристика) служит основой для развития информационной модели преступления и, соответственно, совершенствования частной методики расследования.

Следует также отметить, что мы не являемся сторонниками игнорирования криминалистической характеристики преступлений как научной категории. Считаем, что она занимает достойное место в системе криминалистической науки, но подлежит совершенствованию в сочетании с материальной структурой преступлений [31, с. 66]. Данные научные категории «выполняют, по существу, аналогичные служебные функции информационных моделей преступлений и теоретической базы...» [32, с. 30].

На основании изложенного можно сделать вывод, что при разработке теоретической части частной методики расследования преступлений необходимо осуществлять иной подход к познанию преступлений, основывающийся на выделении материальных элементов его структуры, подлежащих описанию (характеристике) с криминалистической точки зрения.

В заключение следует отметить, что криминалистическая методика не является окончательно сформировавшейся частью науки криминалистики. Однако ее дальнейшее развитие зависит от консолидации усилий ученых-криминалистов.

Список литературы

1. Баранов Ю. Н., Попова Т. В. Методология и методика экспертного идентификационного исследования // Современные возможности судебных экспертиз при расследовании преступлений. Сборник материалов Всероссийской интернет-конференции (20 мая – 30 июля 2007 г.). Челябинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2007. С. 3–14.
2. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. ГУ ЭКЦ МВД России. М., 2000. 12 с.
3. Ерахтина Е. А. К вопросу практического применения методики установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию // Социально-экономический журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 4. С. 129–144.
4. Алексиенко О. Н. Криминалистические методы разоблачения ложного алиби по делам о преступлениях против жизни и здоровья: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 24 с.
5. Логвин В. М. Алиби: теоретические и прикладные аспекты. URL: <http://vlib.by/images/stories/on-line-exb/2021/kriminalistika-i-sudebnaya-ekspertiza/11.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).
6. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности: структура и функции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 4 (12). С. 64–67.
7. Калужина М. А. Организация информационного обеспечения субъектов расследования // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 5, Юриспруденция. 2016. № 1(30). С. 151–155.
8. Климова Е. И. Виды информации, используемой при расследовании преступлений https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1242/1/klimova.pdf (дата обращения: 24.11.2021).
9. Якушин С. Ю. Тактические задачи при расследовании преступлений: понятие и виды // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152, кн. 4. Гуманитарные науки. 2010. С. 204–213.
10. Громов В. И. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., 1929. 312 с.
11. Тищенко В. В. Криминалистическая методика расследования: современное состояние и перспективы развития. URL: <http://www.naukovipraci.nuoua.od.ua/arhiv/tom9/19.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).
12. Сокол В. Ю. Ганс Гросс основатель современной науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 39–51.
13. Криминалистика: учебное пособие / Под ред. А. В. Дулова. Мн.: ИП «Экоперспектива», 1996. 415 с.

14. Криминология: учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.

15. Хайрусов Д. С., Щербич Л. А. Источники и методы криминалистического исследования преступной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2008. 144 с.

16. Бахин В. П., Карпов Н. С., Цымбал П. В. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение. Киев, 2001. 275 с.

17. Хлус А. М. Глобализация как причина коррупции и роль криминалистики в ее нейтрализации // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 3(87). С. 41–51.

18. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. М.: НОРМА, 2012. 288 с.

19. Чурилов С. Н. О перспективах развития криминалистических методик. URL: <http://mopi.bakuvirtual.net/wp-content/uploads/2012/04/%D0%A7%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%A1.%D0%9D.-%D0%9E-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%85-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).

20. Колдин В. Я. Криминалистическая методика в системе криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 3 (47). М.: Спарк, 2013. С. 11.

21. Куемжиева С. А. О понятии групповой методики расследования преступлений // Криминалистика прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / Под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. 707 с. С. 320–323.

22. Боровских Р. Н., Гармаев Ю. П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1638/files/10152.pdf> (: 26.11.2021).

23. Расследование вооруженных разбоев и бандитизма. Головин А. Ю., Рожков В. Д., Тишутина Н. В., Эрекаев А. Я.; науч. ред. Головин А. Ю. М.: Юрлитинформ, 2004. 288 с.

24. Субботина М. В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 2 (18). С. 47.

25. Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М.: Лига Разум. 2000. 252 с.

26. Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 155–172.

27. Корчагин А. А. Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства по делам об убийствах (проблемы теории и практики): монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, профессора В. К. Гавло. М.: Юрлитинформ, 2013. 512 с.

28. Аверьянова Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М., 1999. 990 с.

29. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 240 с.

30. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Мн.: БГУ, 2007. 151 с.

31. Хлус А. М. Методика расследования преступлений: современное состояние и пути совершенствования // Юстиция Беларуси. 2018. № 3. С. 63–68.

32. Мухин Г. Н. Служебная роль некоторых дискуссионных понятий криминалистики // Проблемы криминалистики: сборник научных трудов. Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. Вып. 6. С. 28–31.

References:

1. Baranov Yu. N., Popova T. V. Methodology and technique of expert identification research // Modern possibilities of forensic examinations in the investigation of crimes. Collection of materials of the All-Russian Internet Conference (May 20 - July 30, 2007). Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. Pp. 3–14.

2. Methods for establishing the belonging of an object to a firearm. GU EKTs of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2000. 12 p.

3. Erakhtina E. A. On the question of the practical application of the methodology for establishing the belonging of an object to a firearm // Socio-economic journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. No. 4. Pp. 129–144.

4. Aleksienko O. N. Forensic methods of exposing false alibis in cases of crimes against life and health: author. diss. ... Cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2009. 24 p.

5. Logvin V. M. Alibi: theoretical and applied aspects. URL: <http://vlib.by/images/stories/on-line-exb/2021/kriminalistika-i-sudebnaya-ekspertiza/11.pdf> (access date: November 24, 2021).

6. Ishchenko P. P. Information support of investigative activities: structure and functions // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2009. No. 4 (12). Pp. 64–67.

7. Kaluzhina M. A. Organization of information support for the subjects of the investigation // Vestnik Volgogr. state un-that. Series 5, Jurisprudence. 2016. No. 1 (30). Pp. 151–155.

8. Klimova E. I. Types of information used in the investigation of crimes https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1242/1/klimova.pdf (access date: November 24, 2021).

9. Yakushin S. Yu. Tactical tasks in the investigation of crimes: concept and types // Uchenye zapiski Kazan State University. T. 152, book. 4. Humanities. 2010. Pp. 204–213.

10. Gromov V. I. Methods for investigating crimes. A guide for the police and the criminal investigation department. M., 1929. 312 p.

11. Tishchenko V. V. Forensic investigation technique: current state and development prospects. URL: <http://www.naukovipraci.nuoua.od.ua/arhiv/tom9/19.pdf> (access date: November 24, 2021).

12. Sokol V. Yu. Hans Gross — the founder of modern science // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3 (17). Pp. 39–51.

13. Forensic science: textbook / Ed. A. B. Dulova. Minsk: IP "Ecoperspektiva 1996. 415 p.

14. Criminology: textbook / Ed. N. F. Kuznetsova, V. V. Luneeva. 2nd ed. revised and add. M.: Walters Kluver, 2004. 640 p.

15. Khairusov D. S., Shcherbich L. A. Sources and methods of forensic research of criminal activity. Moscow: Yurlitinform, 2008. 144 p.

16. Bakhin V. P., Karpov N. S., Tsymbal P. V. Criminal activity: concept, characteristics, principles, study. Kiev, 2001. 275 p.

17. Khlus A. M. Globalization as a cause of corruption and the role of criminalistics in its neutralization // Bulletin of Karaganda State University. Series "Right". 2017. No. 3 (87). Pp. 41–51.

18. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. Forensic science: nature, system, methodological foundations. M.: NORMA, 2012. 288 p.

19. Churilov S. N. On the prospects for the development of forensic techniques. URL: <http://mopi.bakuvirtual.net/wp-content/uploads/2012/04/%D0%A7%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%A1.%D0%9D.-%D0%9E-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D185-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D1%80%D0>

[%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA.pdf](#) (access date: November 25, 2021).

20. Koldin V. Ya. Forensic technique in the system of criminalistics // Bulletin of criminalistics. Issue 3 (47). M.: Spark, 2013. P. 11.

21. Kuimzhieva S. A. On the concept of a group crime investigation technique // Criminalistics past, present, future: achievement and development prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 17, 2019) / Ed. ed. A. M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. 707 p. Pp. 320–323.

22. Borovskikh R. N., Garmaev Yu. P. Fundamentals of the concept of enlarged (general, basic) forensic methods of investigating crimes. URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1638/files/10_152.pdf (access date: November 26, 2021).

23. Investigation of armed robberies and banditry. Golovin A. Yu., Rozhkov V. D., Tishutina N. V., Erekaev A. Ya. ; scientific. ed. Golovin A. Yu. M.: Yurlitinform, 2004. 288 p.

24. Subbotina M. V. The structure of the basic methods of crime investigation // Bulletin of criminalistics. 2006. Issue. 2 (18). P. 4–7.

25. Shatalov A. S. Forensic algorithms and programs. Theory. Problems. Applied aspects. M.: League of Reason. 2000. 252 p.

26. Shatalov A. S. Algorithmization and programming of crime investigation in the system of forensic techniques // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 2. Pp. 155–172.

27. Korchagin A. A. Forensic methodology of preliminary investigation and trial in murder cases (problems of theory and practice): monograph / under scientific. ed. Doct. legal Sciences, Professor V. K. Gavlo. M. : Yurlitinform, 2013. 512 p.

28. Averyanova T. V. Forensic science. Textbook for universities / T. V. Averyanova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov, E. R. Rossinskaya; ed. R. S. Belkin. M.: Publishing group NORMA-INFRA-M., 1999. 990 p.

29. Belkin R. S. Forensic Science: Problems of Today. Topical issues of Russian forensic science. M.: Publishing house NORMA (Publishing group NORMA-INFRA-M), 2001. 240 p.

30. Guchook A. E. Forensic structure of the crime. Mn.: BSU, 2007. 151 p.

31. Khilus A. M. Crime investigation methodology: current state and ways of improvement // Justice of Belarus. 2018. No. 3. Pp. 63–68.

32. Mukhin G. N. The service role of some controversial concepts of criminalistics // Problems of criminalistics: collection of scientific papers. Minsk: Acad. Ministry of Internal Affairs Resp. Belarus, 2008. Issue. 6. Pp. 28–31.

УДК/UDC 343.34

Неправомерный доступ к компьютерной информации: теория и практика применения уголовного закона

Яшков Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса

Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета

Российской Федерации

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:jasa79@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем квалификации компьютерной преступности. Автор анализирует статистику совершения компьютерных преступлений в Российской Федерации, особое внимание обращается на наиболее распространенное из них – неправомерный доступ к компьютерной информации. Приводятся примеры из судебной практики. Кроме того, автор предпринимается попытка дать уголовно-правовую характеристику объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, и поставить вопрос о сложностях квалификации действий виновного, осуществившего неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, не повлекшего уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Ключевые слова: компьютерные преступления, блокирование, модификация, копирование, компьютерная информация, неправомерный доступ.

Illegal Access to Computer Information: Theory and Practice of Criminal Law Application

Yashkov Sergey Aleksandrovich

Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure

Yekaterinburg branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Yekaterinburg, Russia

e-mail:jasa79@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the problems of qualification of computer crime. The author analyzes the statistics of computer crimes in the Russian Federation, paying special attention to the most common of them - illegal access to computer information. Examples from judicial practice are given. In addition, the author attempts to give a criminal-legal description of the objective side of the offense under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, and raise the issue of the difficulties of qualifying the actions of the guilty person who has carried out illegal access to computer information protected by law, which did not lead to the destruction, blocking, modification or copying of computer information

Key words: computer crimes, blocking, modification, copying, computer information, illegal access.

В настоящее время в связи с бурным развитием техники и технологий, особенно компьютерных, большое значение в жизнедеятельности человека играет информация и информатизация. В то же время на фоне протекания процессов всеобщей глобальной цифровизации отчетливо прослеживается тенденция формирования криминальных угроз принципиально нового плана, затрагивающих сферу компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных технологий [1]. С каждым годом увеличивается количество компьютерных преступлений [2].

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [3] предусматривает четыре состава преступления в сфере компьютерной информации, за совершение которых наступает ответственность. К ним относятся: неправомерный доступ к компьютерной

информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) и неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

В целях настоящего исследования наиболее интересным из представленных является состав преступления, предусмотренный ст. 272 УК РФ. Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации [4], за январь–декабрь 2019 г. в России было зарегистрировано 2883 преступления в сфере компьютерной информации, а на долю преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, пришлось 2420 преступлений.

Если посмотреть статистику за январь–декабрь 2020 г., то всего было зарегистрировано 4498 преступлений в сфере компьютерной информации, из которых 4105 связаны с неправомерным доступом к компьютерной информации [4].

Статистика за январь–октябрь 2021 г. показывает, что за этот период в России было зарегистрировано 5564 преступления в сфере компьютерной информации, из которых 5207 были зарегистрированы по признакам ст. 272 УК РФ [4].

Анализ представленных статистических данных свидетельствует о том, что среди всех компьютерных преступлений чаще всего совершаются преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации.

В связи с этим хотелось бы обратиться к проблемным вопросам квалификации данного состава преступления, особенно учитывая, что «анализ существующей следственной практики показывает, что неправомерный доступ к компьютерной информации, с одной стороны, является одним из самых распространенных компьютерных преступлений, а с другой стороны, достаточно сложным в расследовании, т. к. у следо-

вателя возникают определенные трудности при квалификации деяния» [4].

Так, по объективной стороне состав данного преступления сформулирован как материальный. Это означает, что уголовно наказуемыми действия субъекта будут только в том случае, если наступят последствия, указанные в законе, — уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации.

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики.

Так, приговором суда гражданка М. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ. Гражданка М., будучи сотрудницей профессионального образовательного учреждения, не желая продолжать трудовую деятельность с новым руководством, решила удалить новостные сообщения о деятельности организации с официального сайта учреждения. С этой целью, используя собственный ноутбук, она осуществила выход в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», открыла страницу сайта учреждения, а потом путем незаконного ввода аутентификационной информации, а именно пароля и логина, которые у нее имелись в связи с ранее занимаемой должностью, обеспечила себе доступ к сайту в режиме администратора. После чего гражданка М. осуществила уничтожение с сайта новостной ленты путем ее удаления [5].

В другом примере гражданка В., работая в салоне сотовой связи, используя биллинговую программу, осуществила неправомерный доступ к аккаунту социальной сети, принадлежащему другому лицу, после чего изменила от него пароль, а впоследствии удалила данный аккаунт. Она также была осуждена по ч. 1 ст. 272 УК РФ. В приговоре было отражено, что своими действиями гражданка В. совершила неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, что повлекло модификацию и блокирование компьютерной информации [6].

Еще в одном случае приговором суда гражданин Б. осужден за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший копирование компьютерной информации. Так, у граж-

данина Б., работавшем в отделе безопасности ИК УФСИН России по Республике Мордовия, возник умысел осуществить неправомерный доступ к базам данных УФСИН России по Республике Мордовия с целью их дальнейшего копирования в скрытую папку служебного компьютера для личного просмотра, что им и было осуществлено с помощью выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и использования компьютерной программы для сканирования сети «IPScan» [7].

Приведенные примеры судебной практики показывают то, что трудностей с привлечением к уголовной ответственности по ст. 272 УК РФ в Российской Федерации не имеется при условии, если неправомерный доступ к компьютерной информации приводит к уничтожению, блокированию, модификации либо копированию компьютерной информации.

Вместе с тем возникает вопрос, какую уголовно-правовую оценку дать действиям лица, если неправомерный доступ к компьютерной информации им был осуществлен, однако последствий, указанных в законе, не наступило?

Например, судебной практике известен такой случай. Гражданин В., используя компьютер, подобрав пароль доступа к почтовому ящику организации, получил возможность ознакомиться с находящимися в нем входящими и исходящими сообщениями. После этого с целью дальнейшего ознакомления с перепиской, осуществляемой по данному почтовому ящику, гражданин В. создал фильтр для пересылки копий входящих и исходящих электронных писем с данного почтового ящика на другой почтовый ящик. Кроме того, получив возможность администрирования указанного электронного почтового ящика, он впоследствии удалил с него несколько писем, а также поменял ранее привязанный к нему законным владельцем абонентский номер к другому абонентскому номеру.

Как видно, в результате действий гражданина В. наступил целый комплекс последствий, указанный в ч. 1 ст. 272 УК РФ. Здесь имеется и копирование компьютерной информации, и ее уничтожение, и модификация.

За содеянное гражданин В. был осужден [8]. Однако возникает вопрос — как квалифицировать его действия, если бы он остановился на стадии незаконного доступа к почтовому ящику и только лишь ознакомился с его содержимым, например входящими или исходящими сообщениями?

Анализируя объективную сторону состава преступления, а именно действие, выраженное в «неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации», можно представить, что доступ следует рассматривать и как процедуру (сами действия), и как состояние (последствие действий, связанных с неправомерным доступом).

Совершенно очевидно, что в случае совершения «процедурных» действий, направленных на неправомерный доступ к информации, могут быть последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Но если же в процессе этих действий не последовали указанные последствия, можно ли говорить о составе преступления?

Так, в приведенном выше случае субъект преступления подобрал пароль к почтовому ящику. Представляется, что нет смысла утверждать, что здесь имели место такие последствия, как уничтожение и блокирование компьютерной информации. Про модификацию тоже вряд ли приходится говорить, поскольку к почтовому ящику с помощью какого-либо программного обеспечения был подобран «родной» пароль, и вход в него осуществлен именно с его использованием.

Вопрос же о последствиях копирования в данном случае более сложен и неоднозначен.

Процесс копирования компьютерной информации можно представить как копирование файла с одной стороны и копирование информации — с другой.

Копирование файла — это создание его копии, содержащей информацию. Копирование имеет место, например, при переносе файлов на оптический, жесткий диски или на любой другой носитель.

Отсюда следует, что под копированием с данной точки зрения можно понимать лишь действия по созданию копии файла на каком-либо носителе. Таким образом, «ознакомление» с информацией с экрана, допустим, монитора нельзя рассматривать как копирование файла.

Копирование информации представляет собой создание копии какой-либо информации. Любая копия информации предполагает стопроцентную идентичность оригиналу. Следовательно, считывание информации с экрана монитора также не может признаваться копированием информации, поскольку в большинстве случаев мозг человека не сможет запомнить и потом воспроизвести все то, что было на экране монитора.

Так, например, если на экране монитора открыта программа с какой-либо базой данных, в которой большое количество ячеек, имеющих собственное название, а в этих ячейках зафиксировано множество наименований продукции и ее стоимость, то запомнить даже одну страничку этой базы для среднестатистического человека будет невозможным.

Таким образом, исходя из понятия компьютерной информации, данном в примечании к ст. 272 УК РФ, согласно которому под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, можно сделать вывод, что копирование компьютерной информации следует понимать в узком смысле этого слова, т. е. копирование файла, содержащего информацию.

Отсюда следует, что в настоящее время по российскому уголовному законодательству является проблематичной квалификация неправомерных действий, связанных с доступом к компьютерной информации с целью ее ознакомления.

Представляется, что нельзя признать данные действия также и покушением по следующим причинам.

Как было указано выше, состав преступления, предусмотренный ст. 272 УК РФ, является материальным, и для его окончания требуется наступление последствий.

В случае отсутствия таковых согласно уголовному закону преступление может квалифицироваться как неоконченное, т. е. в данном конкретном случае как покушение. Например, лицо осуществило неправомерный доступ к компьютерной информации, считало ее с экрана монитора, а последствия, указанные в законе, не наступили (учитывая, что ознакомление с информацией не является копированием). Поскольку последствий не наступило, следовательно, деяние виновного необходимо считать неоконченным.

С подобной квалификацией трудно согласиться, т. к. неправомерный доступ, если рассматривать его и как процесс (сами действия), и как состояние (последствие действий, направленных на незаконное проникновение в компьютерную систему), представляет собой непосредственные действия по незаконному доступу к информации, вне зависимости от того, наступили предусмотренные законом последствия или нет.

Так, если они в процессе доступа имели место, то состав окончен. Если же нет, но с информацией лицо ознакомилось, нельзя сказать, что оно не осуществляло тех действий, которые именуется «неправомерным доступом» до того момента, как стало возможным считать информацию с экрана монитора. Таким образом, такие действия следует признавать оконченными.

Думается, что анализируемые действия в настоящее время скорее следует квалифицировать согласно действующему УК РФ не по нормам гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», а по нормам гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» или гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», предусматривающим ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, почтовых и иных сообщений (ст. 137–138), незаконное получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую, банковскую тайны (ст. 183).

Список литературы:

1. Давыдов В. О., Малахвей Е. Д. О некоторых аспектах криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 2. С. 94–100.

2. Дроздова Е. К., Суранов М. С. Криминалистическая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VI Международной научной конференции студентов и магистрантов. 2017. С. 33–34.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/ (дата обращения: 18.11.2021).

4. Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 18.11.2021).

5. Евдокимов К. Н. Актуальные вопросы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Гл. ред. П. А. Капустюк. Отв. ред. Р. А. Забавко. 2017. С. 119–125.

6. Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 09.09.2019г. (по делу № 1-226/2019) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 18.11.2021).

7. Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 18.07.2019 (по делу № (1)-149/2019) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 18.11.2021).

8. Приговор Zubovo-Polyanskogo районного суда Республики Мордовия от 11.09.2019 (по делу № 1-123/2019) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 18.11.2021).

9. Приговор Кировского районного суда г. Перми Пермского края от 10.10.2019 (по делу № 1-355/2019) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 18.11.2021).

References:

1. Davydov V. O., Malakhvey E. D. On some aspects of the forensic characteristics of crimes associated with illegal access to computer information // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. No. 2. Pp. 94–100.

2. Drozdova E. K., Suranov M. S. Forensic characteristics of illegal access to computer information // Organizational, procedural and forensic support of criminal proceedings: materials of the VI International scientific conference of students and undergraduates. 2017. Pp. 33–34.

3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: November 18, 2021).

4. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mv.d.rf> (access date: November 18, 2021).

5. Evdokimov K. N. Topical issues of qualification of illegal access to computer information at the stage of initiation of a criminal case // Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement: collection of materials of the interuniversity scientific-practical conference. Ch. ed. P. A. Kapustyuk. Resp. ed. R. A. It's funny. 2017. Pp. 119–125.

6. The verdict of the Oktyabrsky District Court of the city of Saransk of the Republic of Mordovia dated 09.09.2019. (in case No. 1-226 / 2019) // GAS RF "Justice". URL: <https://bsr.sudrf.ru> (access date: November 18, 2021).

7. The verdict of the Buguruslansky District Court of the Orenburg Region dated 18.07.2019. (in case No. (1) -149/2019) // GAS RF "Justice". URL: <https://bsr.sudrf.ru> (access date: November 18, 2021).

8. The verdict of the Zubovo-Polyansky District Court of the Republic of Mordovia dated 11.09.2019. (in case No. 1-123 / 2019) // GAS RF "Justice". URL: <https://bsr.sudrf.ru> (access date: November 18, 2021).

9. 8. The verdict of the Kirovsky District Court of the city of Perm, Perm Territory dated 10.10.2019. (in case No. 1-355 / 2019) // GAS RF "Justice". URL: <https://bsr.sudrf.ru> (access date: November 18, 2021).